

Гексаграмма: Колодец времени

16+

Тихонова А. В.

Алена Вадимовна Тихонова

Гексаграмма: Колодец времени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64857052

SelfPub; 2021

Аннотация

Покоя в ледяном мире нет и не будет. Каждый здесь всё меньше и меньше понимает, что правильно, а что нет, и есть ли вообще деление на добро и зло. Как найти ответы, если любые твои знания могут оказаться подделкой?

Алена Тихонова

Гексаграмма:

Колодец времени

Предисловие

Данная книга является четвёртой по счёту в цикле. Правильный порядок чтения цикла выглядит так:

1. Гексаграмма: Книга красной тайны
2. Гексаграмма: Рыцарь-алхимик
3. Гексаграмма: Падшие и проклятые
- 4 (эта книга). Гексаграмма: Колодец времени

Однако, вы вполне можете насладиться ею, даже не зная предыстории событий, упоминаний о них достаточно для понимания, что именно происходило раньше.

Глава 1

Механическая карета мчалась через лес на реактивной струе пламени. Резная вязь алхимических знаков покрывала этот диковинный транспорт на колёсах и снаружи, и внутри. Его бока цвета сочного янтаря глубокие изящные прожилки сложного рисунка, наполненные алой краской, лишь украшали. Карета выглядела нарядной и роскошной, напоминая чем-то роскошные сказки о принцессах далёких южных земель, которые могут позволить себе абсолютно всё, носят браслеты на руках и ногах, кольца, серьги, ожерелья

и диадемы, усыпанные драгоценными камнями, и одежда их расшита золотом и серебром. Точёный изогнутый руль устройства крепкой хваткой, как бывалый капитан – штурвал своего драгоценного корабля, держал мужчина неопределённого возраста, с правильными чертами лица, его ясные голубые глаза внимательно изучали дорогу впереди, а длинные волосы трепал встречный ветер. Мимо проносились сосны и ели, щеголяющие шапками свежавыпавшего снега. И сугробы, и карета, и дорога, по которой они ехали, россыпью бриллиантов блестели на солнце. Мужчина улыбался, не считая нужным скрывать хорошее настроение.

– Сколько нам ещё добираться? – напряжённым тоном спросила молодая женщина, сидевшая рядом с ним.

Было заметно, что больше всего она тревожится не из-за сложного и долгого пути. Нет, в такое состояние её приводил спутник. Она как будто не могла определиться, как относиться к нему, так нервничают путники на дорогах, если садятся к неизвестному и подозрительному с виду вознице, который достаточно силен, чтобы представлять собой опасность. Впрочем, этого человека она знала – и, судя по всему, знакомство лишь осложняло дело. Её чувства смешались в малопонятную кашу, потому что относилась к вознице она противоречиво. Ей хотелось осуждать его априори, как она делала это раньше, но врождённое стремление к справедливости не позволяло. Хоть зубами скрежещи, против своей природы не попрёшь.

В конце концов, он же сыграл когда-то ключевую роль в спасении её города. Она до сих пор лишь смутно понимала, зачем он это сделал вместо того, чтобы использовать критическое положение Эсканолла к своей выгоде, ведь в альтруизм подобной личности вовсе не верила, но старалась обходиться без предрассудков и не судить поспешно. Однажды ведь это уже привело её к чудовищной ошибке – и, между прочим, с ним же. Только наивные юнцы могут броситься на превосходящие во много раз силы врага и верить, что их напор и отвага, решимость и чувство правоты помогут выйти победителями. У них не было фактически никакой информации об истинном могуществе этого человека, но они не отступили, когда могли.

Женщина до сих пор задавалась вопросом, почему же он, нуждаясь лишь в одном из них, пощадил остальных. Возможно, сыграло роль то, как разительно вскоре изменились обстоятельства, но всё же у них было время, когда он мог ударить, превращая тех, кто покусился на его дом, в мимолётное воспоминание – и не стал. Милосердие? Не смешите. Скорее, его дьявольски дальновидный ум прочитал выгоду на много шагов вперёд.

– Полтора часа, леди Ишка. Простите, вы не просили у меня совета, но вам следовало бы хоть немного расслабиться и отдохнуть, пока есть возможность. В вашем положении нервничать не стоит, – с искренней мягкостью и заботой в голосе ответил мужчина.

Она вздохнула, признавая его правоту. Не из тех людей была Ишка, кто отрицает вполне очевидные вещи лишь на зло собеседнику, хотя отлично понимает его правоту. В конце концов, именно на условии, что она будет заботиться о себе и воздержится от перенапряжений, король и отпустил её в эту поездку. Доктор Варатти же настоял на том, что едет с ними, потому что не захотел прерывать наблюдение за здоровьем Ишки и за тем, как её хворь совмещается с течением беременности. Теперь он ютился позади них, среди своих колбочек и мензурок, мешочков с порошками и пилюлями, баночек с микстурами и научных книг из центральной библиотеки Эсканолла. Тяжёлые пухлые фолианты в солидных переплётках с позолоченными уголками и корешком занимали порядочно места, однако, доктор нуждался в них при своей работе. Вообще-то вывозить их за пределы столицы строго запрещалось – каждый том являлся чуть ли не уникальным, у некоторых в мире отсутствовали копии, у других было всего две или три, и находились они в руках богачей-снобов, которые не расстанутся с таким уникальным имуществом. Порча или утрата любого из них могла стать невосполнимой. Но доктор Варатти ставил благополучие Ишки и её будущего ребёнка выше, хотя кто как не он прекрасно понимал, что значит редкое и важное знание, которое вместе с бумажным носителем исчезнет навсегда. Он искренне рассчитывал, что у него получится уберечь и книги, и подопечную. Ему и так пришлось взять с собой гораздо меньше, чем хотелось бы,

потому что в карету поместилась только половина, а затем тот самый мужчина, которому предстояло вести этот транспорт, сказал, что будет перегрузка. Доктор не стал спорить, отобрав лишь самое необходимое – ингредиенты для лекарства Ишки, а также те снадобья и предметы, которые могли спасти их жизнь, если их ранят, или кто-то захворает. Доктор Варатти всегда относился к своему долгу перед людьми с ответственностью высшей степени педантизма. Благодаря алхимии карета ехала ровно, да и качество дороги указом Его Величества поправили, но Варатти всё равно взял ёмкости из небьющегося стекла и инструменты, которые нелегко сломать, даже если бы они попали в транспортное происшествие.

– А как мы вообще едем, как это работает? – чтобы разбавить тишину, спросила Ишка.

Мужчина вполне охотно заговорил:

– У силы алхимика и его возможностей обычно два источника. Один – ресурсы организма и его внутренняя предрасположенность. Второй – окружающий мир. Обычно, чем больше у алхимика собственных запасов, тем больший ему доступен радиус, на котором может происходить сбор нужной ему стихии. Кроме того, в некоторых точках мира извлечение какой-то из них даётся легче, в то время как другая может стать почти недоступна. Во влажном климате, посреди океана или на болотах, мощь воды возрастает настолько, что алхимик сможет создавать цунами и призывать по-

топы, но дотянуться до огня в таких условиях сможет только мастер в этом искусстве. Мастерство напрямую зависит от степени познания окружающего мира. Алхимик высшей степени посвящения превращается в связующее звено между всеми составляющими мира, как бы далеко друг от друга ни располагались эти части. Надеюсь, теперь тебе стало немного понятнее.

– И ты преобразуешь...

– Мои собственные внутренние запасы. Я кореллирую с осязаемой реальностью и с более тонкими материями, даже разговаривая с тобой.

Ишке показалось, что её спутник в чём-то темнит, недоговаривает, но решила не настаивать, будучи не вполне уверенной, так ли важно ей знать всю правду. Ишка была отважной девушкой, но существовало и то, чего она боялась. Не так, как боятся физической угрозы, а, скорее, избегают заглянуть в собственное бессознательное, столкнуться в себе же или в своём восприятии основных законов мира с таким, что вызовет непримиримый конфликт. Некоторые люди сознательно игнорируют дискомфортные для них вещи, если изменить их простому смертному невозможно. Пока обстоятельства не вынудят её, Ишка не станет проверять этого человека.

– Но... как же алхимика можно держать взаперти? Кроме того, необходимо быть крайне осторожным, ведь, если материала не хватит, используемый символ при активации

восполнит разницу здоровьем самого алхимика. Можно просто почувствовать слабость, можно онеметь или ослепнуть, а можно и умереть на месте. Разве он не преобразует всё вокруг себя и не сбежит? – взволнованно спросила Ишка.

– Нет, – Старатос покачал головой. – Если в проектировании тюрьмы участвовали другие алхимики, они позаботились о том, чтобы оборвать необходимую для успешного применения знаний и навыков естественную связь всего в природе со всем. Тюрьма изолирована, построена из самых неподатливых материалов и расположена далеко от всех узлов силы.

– Почему ты остановился, не доведя до конца твою идею о совершенной версии человечества?

Было видно, что этот вопрос дался Ишке нелегко, даже сложнее, чем первый, потому что она даже не догадывалась, какой реакции от Старатоса ожидать. Впрочем, к её облегчению, он лишь вздохнул.

– Я увидел, к чему приведут меня такие мечты. Монстры, рождённые философским камнем, были идеальны с точки зрения здравого смысла. Они никогда не стали бы жертвами старости или болезней, им были неведомы страх, отчаяние или усталость, они неуклонно двигались к своей цели и не понимали, что есть милосердие. Они завораживали, безусловно, однако, их бесконечный холод и безразличие внушили мне отвращение. А ведь я добивался именно этого.

– И какова твоя цель теперь? – недоверчиво спросила Иш-

ка.

– Наблюдать, исследовать, учиться. Страшная беда, что постигла столицу, доказала – я до сих пор слишком мало постиг даже простейшие истины вселенной. Ты, конечно, не имеешь никаких оснований полагаться лишь на мои слова, но я не вынашиваю никаких далекоидущих планов. Меня устраивает текущее положение дел, – безмятежно сказал Старатос.

Ишка хотела что-то возразить, но он предостерегающе поднял руку и остановил карету. Внимательный взгляд алхимика неторопливо пробежался по деревьям и кустам вокруг. Пейзаж оставался безмятежным и тихим. Ни веточка не шелохнулась, ни снег не скрипнул.

В живой природе не бывает такой гробовой тишины.

– За нами следят, – чуть ли не одними губами прошептал Старатос.

Ишка сосредоточилась на духовном прикосновении и отрешилась от тела, внутренним чутьём, похожим на невидимый и неосязаемый на материальном плане полог, накрывая ближайшую к ним часть леса. Враг, а по хищной, тяжёлой, смрадной ауре она сразу определила, что там враг, тщательно скрыл своё присутствие, и еле угадывающийся след поначалу сливался с природой, но Ишка уцепилась за нотку фальши. Сообразив, что её обнаружили, тварь сразу выскочила на дорогу. Бурлящая чёрно-красная желеподобная какофония со шупальцами. От неё несло, прямо-таки разило

исступлённым гневом и животным голодом. Это был хищник, абсолютно лишённый разума и самосознания, зато готовый на всё, чтобы вцепиться в добычу.

– Ну и дрянь!

Ишка выкрикнула это быстро, но её реакция оказалась ещё быстрее. Когда её возглас отзвучал, пальцы уже натягивали тетиву лука. Стрела чистого белого света со свистом вонзилась в туловище тошнотворной массы. Старатос пробормотал сложную длинную фразу, содержащую в себе огромное количество "р" и "г", и простёр вперёд правую ладонь. Сорвавшаяся с неё спираль ревущего пламени накрыла чудовище.

Тварь пронзительно заверещала, так, что у путников заложило уши, и её разнесло на ошмётки. Выдохнуть, впрочем, было рано, потому что куски, неестественно и безобразно извиваясь, поползли друг к другу. Было в них что-то от слепых детёнышей, тянущихся к матери – этакая гротескная пародия.

– Сгинь! – коротко приказала Ишка, всаживая следующую стрелу в один из этих кусков.

Старатос щёлкнул пальцами и заморозил ещё три. Четвёртый по хлопку его ладоней втянуло в землю.

– Сзади! – окрикнул их доктор Варатти.

Ишка круто развернулась и выпустила особую стрелу. В полёте та разделилась на три поменьше, и все три вонзились в колыхающуюся, как у слизня-переростка, плоть. Множе-

ственный выстрел был относительно новой практикой для неё, но всё получилось. На таком расстоянии промахнуться было невозможно, ведь тварь почти уже прыгнула на неё, если можно считать прыжком стремительный бросок подобной мерзости, неаппетитно колышущейся в воздухе. Ишка была так зла и вложила в стрелы столько мощи, что чудовище, которому она вручила такой щедрый подарок, развеяло на молекулы.

Пользуясь тем, что дорога впереди освободилась, Старатос снова тронул карету с места. Правда, теперь реактивные струи состояли не из пламени, а из голубых водяных плетей, шлейфом кометы развеивающихся на мириады брызг. Вода была достаточно горяча, чтобы противостоять низкой температуре воздуха.

Правда, скорость езды снизилась в сравнении с той, которую давал им огонь.

– Ты сменил стихию?

– Сейчас использование воды менее затратно, ведь она вокруг нас в твёрдой форме. Я экономлю энергию, если нам придётся драться ещё, – Старатос больше не выглядел беззаботным и довольным жизнью.

Ишку даже немного задело, что какая-то непонятная масса заставляет его вести себя серьёзнее, чем поединок с ней. Хотя она и признала со временем, что вела себя постыдно, словно подросток, не способный ни совладать с эмоциями, ни оценить разницу между своими возможностями и силой

противника. Это она-то, урождённая ди Гранель, воспитанная всегда искать стратегию для победы, для достижения любой поставленной цели, даже если это будет стоить ей жизни или, того хуже, гордости и фамильной чести. Являясь аристократами, ди Гранели получали активное неодобрение более, чем половины дворянства именно из-за этого подхода. Неизвестно, на что пойдут люди, для которых статус рода и безупречная репутация тех, кто выполняет идеально любое поручение, выше ценности жизни, как своей, так и чужой. По крайней мере, так о них думали, хотя Ишка знала как никто, сколько её семья отдала ради благополучия и безопасности людей в столице.

– Ты прежде встречал таких тварей? – скрывая это детское чувство, спросила она.

– У меня есть версии, но пока я воздержусь их озвучивать. Были бы у меня образцы материала – сказал бы точно, а так доказательств нет, – флегматично ответил Старатос.

– Но, если я твоя напарница – разве не нужно мне иметь эту информацию? – прищурилась на него Ишка.

– Я хотел бы, чтобы ты составила своё мнение, независимое от моего. Возможно, твои мысли будут более непредвзятыми, более разносторонними, ведь из-за моей профессиональной деформации я не рассуждаю достаточно объективно. У меня богатый опыт, но в данном случае он может сыграть против нас, – пояснил Старатос. – Я обязательно сообщу тебе, если мои догадки подтвердятся, – примирительно

добавил он.

Ишка кивнула, не вполне удовлетворённая, но согласная подождать и проверить, что случится дальше. Всё равно надавить на него ей было нечем, а ни один разумный королевский агент не станет портить отношения со спутником, который будет не просто сидеть в укрытии, изредка проверяя состояние её здоровья да выдавая микстуры, как доктор Варатти, а пойдёт вместе с ней на передовую, какой бы эта передовая ни оказалась.

Глава 2

Сине-фиолетовые сумерки сгущались над хранящей молчание деревней. Тишина была гнетущей, неестественной, но Ишка не сразу поняла, что именно не так... Дома точно были заселены, но ни люди, ни животные внутри не издавали ни звука. Даже когда странная карета рассеялась в воздухе, никто не вышел им навстречу. Так они и стояли посреди просёлочной дороги, Варатти с его двумя битком набитыми коричневыми саквояжами, Ишка – скрестив руки на груди, Старатос – убрав свои в карманы длинного чёрного кожаного плаща.

Ишка подошла к одному из строений и постучала в дверь, и та чуть-чуть приоткрылась вовнутрь. Удивлённая, Ишка задержалась на пороге на пару секунд, но всё же любопытство и тревога пересилили формальную вежливость, и она вошла. Рыжая женщина лет тридцати сидела у погасшего камина, черноволосый мужчина навзничь распростёрся на

кровати прямо как был, в уличной одежде. Они выглядели совершенно здоровыми, никаких повреждений на телах, ни боли на лицах, но из обоих словно бы выпили всю жизненную силу и волю что-то делать. Как люди, у которых нет ни малейшей мотивации двигаться. Нет настолько, что они, казалось, только чудом не забыли, как дышать. Краски мира, и без того не слишком-то яркие из-за этой вечной зимы, вокруг них, в этом насквозь выстуженном доме, померкли ещё больше. Ишка взяла изящную, точно из благородного столичного дома, а не принадлежащую бедной семье из захолустья, кочергу и поворошила внушительную гору золы в камине. Похоже, никто не убирал очень, очень давно.

– Странно, что они не замёрзли и не умерли от жажды, – заметил Старатос, подходя к напарнице. – Кажется нам необходимо экспертное мнение уважаемого доктора.

Ишка поёжилась. Она изрядно зябла даже в тёплых рукавицах, шарфе, шубке с подкладкой и меховых сапожках, хотя обычно холод пробирал её гораздо меньше – восприимчивость обострилась с течением беременности. Впрочем, в данном случае ничего общего с окружающей температурой её состояние не имело. Ей было неуютно здесь, словно за ними постоянно наблюдал чей-то недобрый взор, как если бы помещение наводняли невидимые призраки. Казалось, будто королевские посланники вслепую ступили на запретную территорию, принадлежащую тому, кто им не рад, и разобраться с кем не в их компетенции. Неведомая сила, во много раз

превосходящая людей, даже наделённых выдающимися способностями, как она и Старатос. Этот алхимик мог внушать трепет, и когда-то он уже показывал, насколько грандиозна и сокрушительна его сила, он творил вещи, которые даже Анклав считал невозможными... но в сравнении с тем, что обитало здесь, и он был беспомощным несведущим новичком. Ишка не знала, откуда у неё возникли предположения о том, что деревня вообще нечиста, но впечатление такое возникло – и лишь усиливалось. Может ли она полагаться на свои интуитивные чувства как раньше? Как в те дни, когда её принимали за чересчур наглую девчонку из аристократической семьи, сующую нос не в свои дела и считающую, что ей всё позволено... однако, после того, как помощь "этой девчонки" несколько раз выручила группу королевских исполнителей – Его Величество признал её дар. Её догадки оборачивались правдой в подавляющем большинстве случаев. Таковы были способности ди Гранелей, для обывателей ещё более загадочные, чем принципы алхимии, которая, как-никак, считалась точной наукой. Их семью, сколько она ни изучала летописи рода, век за веком избегали, и не зря. Загадочный дух и долг они ставили выше чувства самосохранения, всегда бестрепетно предпочитая смертную казнь отречению от дара. Выше любви, чувства эфемерного. Выше дружбы, узы которой слишком легко разрушаются.

Но тогда, много лет назад, сила Ишки была чище, ярче, чётче, словно свет наполнял до краёв – и страстная жажда

сделать мир чуть лучше. Ишка тогда ещё почти ничего не повидала и не испытала, она меньше сомневалась в себе и думала, что мир гораздо проще, чем оказался на самом деле. Как ей убедиться, что сейчас говорит не мнительность, не настрой на плохое, ещё когда они сюда ехали, а нечто реально значимое? Да, положение людей незавидное, но Ишка давно знала, какие немыслимые вещи порой случаются как нечто вполне естественное. Да что уж там, два месяца тому назад они думали, что потеряли столицу, Эсканолл спасло лишь чудо. То самое чудо, что сейчас обходило дом с видом настороженной лисы. Но ей-то мерещилось, что на этот раз в их задании крылось нечто худшее, чем обычно. Может быть, она отучилась верить в по-настоящему хорошие исходы чего бы то ни было. Получив столько затрецин от жизни, равно как и раздав немало даже своим же союзникам, тем, кто казался надёжным, как сталь, и прочным, как алмаз – неудивительно, что Ишка больше не умела расслабляться.

Но пока доказательств не было. Оставалось лишь сидеть и ждать вердикта доктора Варатти.

– Какой занимательный случай, – прошептал доктор, в равной степени восхищённый и шокированный. – Все процессы в их организмах находятся в стазисе. Никаких следов стороннего вмешательства, они словно бы сами вошли в это состояние.

– Рискну предположить, что так по всей деревне, – пробурчал Старатос. – Перво-наперво... Вы же видели что дверь

была открыта, но я вижу ценные вещи, которые никто не забрал. Во-вторых, пустота и тишина на улицах. Ну, и, кроме того... Стихии здесь напряжены и неестественны. Даже сам воздух застыл в ожидании, и чтоб мне пусто было, если грядёт что-то хорошее.

– И знает ли собравшийся здесь консилиум специалистов, что могло вызвать такие последствия? – почти без иронии спросила Ишка, скрещивая руки на груди.

– Мои подозрения подкрепляются, но я так и не уверен до конца, – Старатос вздохнул.

– И ты всё ещё не решаешься поделиться с нами? – уточнила Ишка.

– У меня тоже есть версия, – торопливо, словно его могли в любой момент перебить, заговорил доктор Варатти. – Связь между теми, кто напал на нас по пути, и этими людьми. Кое-кто поторопился, и мы не взяли образцы на анализ. Но и без них я обратил внимание... Апатия местных бедняг каким-то образом связана с процессом рождения тех тварей.

– Принесены в жертву? – сощурилась Ишка.

– Не обязательно так прямо... Но да, это одна из версий.

– И как нам разрушить то, что ими владеет? – Ишка вгляделась в лицо женщины, пустое, равнодушное, застывшее, и содрогнулась.

– Мы не сможем, – сказал Старатос. – А вот ты – вполне. Твои способности могут достучаться до чужой души. Точнее, я неправильно выразился. Ты пробудишь её, как бы

травмирована эта душа ни была.

– А затем излечишь. Девочка, именно этим когда-то занимались ди Гранели. И прекратили на твоём деде, – добавил Варатти. – За это их и уважали... И боялись, ведь такое могущество можно обратить против людей, разрушить душу одним лишь касанием воли. Я не уверен, насколько под этим есть реальная почва, но именно эта репутация влияет на вашу семью до сих пор. То есть, на вас, леди, и на вашего ребёнка тоже будет. Вы не избавитесь от последствий деятельности ваших пращуров, а, значит, следует обуздать их наследие.

– Но я не пробовала, – замялась Ишка.

– Самое время, – мягко сказал Старатос, беря её за плечо.

И она не ударила его по руке, не отодвинулась, даже не огрызнулась, потому что он был прав. Ей нужно было учиться и расти над собой. Ишка уже далеко продвинулась с тех пор, как Ричард отправился в тюрьму. Она могла использовать духовные стрелы вместо настоящих, более не заботясь о том, что они закончатся в самый неподходящий момент. Ишка чувствовала ложь и определяла чужое присутствие, даже незримое. И останавливаться на этом не имела права, коль скоро её дар позарез требовался другим. Люди не должны страдать, она не допустит.

– Вы знаете, что надо делать? Потому что мне родители никогда ничего не объясняли... Не такое. Только драться с помощью этих сил и учили.

Доктор Варатти заволновался ещё больше, словно ему предстояло нечто более грандиозное, чем он ощущал себя в состоянии реализовать. Как будто ещё не вполне умелому пианисту предложили сыграть великую симфонию, которая отразится на всей его карьере и жизни. Ишка была для него сокровищем, тем бесценнее от того, что осталась последней ди Гранель. И он боялся – подвести её, не уберечь, стать беспомощным свидетелем её падения, отчаяния и гибели.

– Я ваш домашний доктор, но я не всё знаю. Разве что совет, исходя из моего опыта и догадок, могу дать. Вы готовы, леди Ишка?

– Да, – Ишка побледнела, но не дрогнула.

– Положите ладони кому-то из них на виски. Сосредоточьтесь. Представьте, что проникаете внутрь сознания, ищите, пока не увидите искры света. Зовите этот свет, пока не откликнется. Описание посредственное, знаю, но поди объясни такое словами. Возможно, для этого требуются концентрация и направление воли точно такое же, как при создании ваших стрел света.

– А это нормально? – нахмурилась Ишка.

– Беспokoишься о морали? Зря. Ты их последний шанс, – спокойно сказал Старатос, всем видом давая понять, что примет любое её решение.

Он не относился к тем моралистам и альтруистам, кто ратовал о непременном спасении других даже за свой счёт. Старатос считал, что помогать следует, только если ты сам

можешь, хочешь и готов. Иначе – верный путь и себя сгубить, и всех вокруг.

– Ладно, я попробую...

Кожа женщины, с которой Ишка решила попытаться первой, на ощупь совершенно не казалась чем-то неприятным, как у людей, которые больше недели, а то и двух не мылись, да и вообще давно должны были стать трупами. Вполне тёплая и мягкая. Ишка глубоко вдохнула холодный воздух и закрыла глаза.

Сначала она ничего не видела, да и не представляла, как тут вообще увидеть. Ишка плыла в океане густой смоляной черноты и безмолвия, безо всякого направления. Чужая душа была как будто не просто мёртвой, но вырванной с корнем. Затея и она сама начали казаться глупыми. Ишка снова и снова повторяла свой зов к незнакомой женщине, вполне резонно предполагая, что, даже если способ действенный – у той нет ни малейших оснований откликаться непонятно кому и откуда, особенно если та уже пережила нападение. На её месте Ишка воспринимала бы как врагов всех без исключения, потому что, когда потерял всё, так проще, чем ждать, когда следующий визит непонятно кого тебя добьёт. Самый затравленный человек – и тот выгрызает зубами хоть один лишний день жизни. Это естественно, страшиться могилы, разложения, небытия. Невыносимая реальность причиняет боль, но ни один самоубийца, если будет честен с собой, не скажет, что хочет смерти. Он хочет, чтобы кто-то вмешался

и подарил ему надежду. Выхода, который ему самому найти не дано. И этот выход в действительности не гроб, а понимание, что мир не потерянное место, и даже сломленный и брошенный человек в нём не лишний мусор.

Но потом Ишка нашла.

Искра еле тлела. Не способная бороться за своё тепло, она больше напоминала воспоминание о самой себе, чем нечто реальное. Не отводя от неё взгляда, Ишка зачерпнула сияния собственной искры и буквально влила. Ишка не знала, что подсказало ей поступить именно так. Разве что чистая интуиция. Тут же накатили головокружение и слабость. Ишка не смогла поддерживать контакт и осела бы на пол, если бы её не подхватили с обеих сторон.

– Кто вы такие? Что вы делаете в моём доме? – слабо пролепетала женщина перед камином.

– Было не заперто, и мы вошли. Думаете, зря? – риторически спросила Ишка.

– Что вы помните? – сразу же спросил Старатос.

Доктор Варатти укоризненно взглянул на него, предостерегающе вскинул руку и деловито полез в саквояж. Он с улыбкой достал пузырёк с голубой микстурой и протянул хозяйке дома.

– Вот. Это пойдёт вам на пользу. Вы перенесли тяжёлое потрясение, – мягко сказал доктор.

– Я... не понимаю, – жалобно пролепетала женщина.

– Мы тоже, к сожалению. Но поверьте, мы здесь, чтобы

разобраться, – Ишка взяла её за руку.

Женщина неуверенно и всё ещё настороженно улыбнулась и второй рукой взяла лекарство.

– Так что вы помните? Нам это важно, чтобы не допустить повторения беды, – мягко, но настойчиво повторил Старатос.

– У нас мало народа, я не имею понятия, кому мы понадобились, чтобы делать с нами такое... – недоуменно начала женщина. – Мы все занимались своими делами, когда всё началось. Сначала я застала соседей, сидящих на ковре и глядящих на голую стену. Они не отзывались ни на что, и, даже если мы пытались их пошевелить – возвращались в ту же позу. А потом я и сама почувствовала, что не хочу подниматься из кресла. Просто не хочу, и всё. Всё, что после этого я помню – это вас.

– Спасибо, – горячо выдохнула Ишка, прекрасно понимая, как нелегко той далось объяснение, сразу-то после того, как она очнулась в компании непонятных личностей.

– Да я же ничем не помогла, я очень сожалею... – женщина покачала головой.

– Всё равно спасибо. Если вспомните что-то ещё – прошу, сообщите, – добавил Старатос.

– Ну, разумеется. В моих интересах наказать того, кто так развлекается над законопослушными гражданами.

– Почему вы решили, что это именно кто-то? – уточнил Старатос. – Может, местная аномалия или болезнь?

– Я не дура. Такое не происходит без причины, и обычно эту причину можно закопать в сугробе. Я немного разбираюсь в болезнях, раньше лечила людей... Симптомы слишком неестественны. Это либо алхимик, либо маг. Прошу, найдите его и позаботьтесь, чтобы мерзавец надолго попал за решётку, – с искренней злостью сказала женщина.

Ишка отхлебнула пару глотков укрепляющей настойки из поданной ей в свою очередь доктором фляги и подошла к мужчине, чтобы повторить процедуру.

– Постарайтесь не надорваться, леди Ишка, – умоляюще заговорил доктор. – Берите перерывы, всю деревню за один присест вы не осилите.

Старатос оставил их разбираться с пострадавшими и вышел на улицу. Он сам был не вполне уверен, что собирался искать, но понимал – найти может только он, и больше никто. Чтобы решить задачку, алхимик поставил себя на место неизвестного преступника. Как бы он поступил, если бы надо было накрыть сразу целую деревню? Старатос точно не стал бы возиться с каждым человеком поодиночке, и свидетельство пострадавшей говорит в пользу этого. Он бы не стал даже обрабатывать дома по отдельности. Что он бы сделал – это окружил бы алхимической гексаграммой всю деревню.

Старатос повернул за угол и чуть ли не нос к носу столкнулся с белокурой девушкой. Увы, но в буквальном смысле это было невозможно, потому что её макушка находилась вровень с его грудью. Девушка ойкнула и резко отпрянула.

– Вы живы! – воскликнула она.

– Да, пока что судьба миловала, – вежливо улыбнулся Старатос.

– Но как вам это удалось! Я путешествую, долго шла через лес, увидела с вон того пригорка дома, обрадовалась было... а здесь все не в себе!

– Успокойтесь, пожалуйста, мы сейчас этим занимаемся.

– Это как? – девушка недоверчиво моргнула.

– А вот пойдёмте со мной, и вы увидите.

Глава 3

Фиолетово-синяя масса пузырилась, булькала и медленно текла к деревне. От неё пахло растительным перегноем и дождевой влагой. Один взгляд на эту гадость лишал воли сопротивляться – так и хотелось просто лечь да ждать, пока она поглотит тебя. Это было нечто большее, нежели простое негативное впечатление. Возможно, ментальное внушение, хотя никто здесь не был специалистом в подобных вещах. Жижа двигалась со скоростью текущей замедленно вдвое лавы. Она казалась не агрессивной и даже не разумной – просто неизвестная субстанция, которую кто-то, возможно, направляет.

– Вы только взгляните на эту красоту, уму непостижимо! – с непритворным восхищением воскликнул Старатос, преграждая мерзкому потоку путь к деревне. – Напоминает то, что я сам вытворял в дни молодости!

У Старатоса и впрямь возникло впечатление, что неиз-

вестный в точности повторяет ошибки его юных лет. Заодно и напоминание получилось, отчего все те поступки были именно ошибочными. Прямо-таки носом ткнули. И вовсе не требовалось – Старатос так много потерял и стольких погубил, что усвоил всё с первого раза. Такое, раз осознав, нельзя себе простить. А он ещё и набрался тогда наглости заявлять, будто нашёл лучший путь для человечества. То, что он считал общественным благом, не совпадало с ценностями большинства. Старатос искренне полагал, будто они ещё не дозрели до того, чтобы осознать – они нуждаются именно в том, что он несёт. На самом же деле он, искренне стремясь добиться идеальной формы бытия разумных созданий, выхолащивал из жизни всё, что составляло её суть, придавало ей вкус и вес. Жаль, что до него так долго и трудно доходила элементарная истина: абсолютная безупречность, высшее совершенство, отсутствие, куда развиваться дальше – это стагнация, а, следовательно, смерть при ещё живом теле.

Великолепие неизвестного безумца неоспоримо, но и чудовищно. Старатос отдавал ему должное, но это не отменяло необходимости остановить. Увлечённый вкусом власти, создатель монстров сам не прекратит.

– Похоже на юного алхимика, которого опьянил его собственный талант и полученная вместе с силой власть, – продолжал Старатос.

Он потрянул кистями рук, и с кончиков пальцев роскошным водопадом сорвались жёлто-рыже-алые искры. Коснув-

шись земли, они обратились в пламенную стену. Старатос давно отбросил костыли алхимии – сигилы, слова могущества, талисманы, печати. Он взаимодействовал со стихиями напрямую. Пока новички или чрезмерные консерваторы как слепые младенцы нашаривали правильный и безопасный контакт, он черпал из природы, открыл безграничность собственных резервов. Это оказалось легко и зависело лишь от угла зрения. Вечная взаимосвязь всего со всем, единство элементов природы – концепт философский и отчасти теологический, но для алхимиков постижение этой истины не только умом, но и всем сердцем, естеством своим, было вопросом первой необходимости.

Старатос даже не сражался с напастью, он уничтожал её в одностороннем порядке. Действовал наверняка, не оставляя и шанса. Сгорая, вещество испускало противный тонкий звук, похожий на верещание. Оно теперь напоминало полыхающее от края до края озеро, и сполохи плясали в зрачках Старатоса.

Раздобыть образцы, судя по всему, снова не получится, но это было наименьшей из проблем. По крайней мере, он не принесёт потенциально опасный материал туда, где полно людей.

– Вы такой великолепный! Впервые вижу, как работает алхимик! – захлопала в ладоши недавно встреченная девушка.

Если верить ей – а почему бы не поверить, – её звали Мира.

– Мне следовало придумать план получше, – вздохнул Старатос. – Нам повезло, что масса такая неторопливая. Будь против нас более осмысленные и проворные твари – я мог бы и не справиться.

– Что хуже – наши противники тоже используют алхимию, – вмешалась, подходя, Ишка. – Скорее всего, самоучки, потому что Его Величество не посылал сюда никого, кроме нас, и мы не получали информации о проживании здесь алхимиков, как действующих, так и в отставке.

– И вы легко в этом признаётесь? – удивилась Мира.

– Не наша вина, если кто-то применяет это высокое искусство во зло, – вздохнул Старатос. – Алхимия – это созидание в чистом виде. Идя против этого закона, тот, кого мы ищем, оскверняет саму природу. Алхимия не должна порождать насилие.

– Даже боевая алхимия?

– Боевая алхимия олицетворяет собой ничто иное, как выраженный в чистом виде гнев стихий мироздания. Ею должно карать, но не уничтожать, если без этого можно обойтись.

– Давно ли ты начал так думать? – в голосе Ишки звенела холодная злость.

– Уже довольно давно, – Старатос невозмутимо кивнул. – Когда помогал Анклаву в подавлении философского камня. Я понял, что настоящая алхимия есть гармония и творчество. Иначе получается нечто настолько же нездоровое и пагубное, как у древних, чью силу вы пробудили тогда.

– Не поздновато ли спохватился? – не отставала Ишка.

– Да, безусловно, и многое уже не поправить и не вернуть.

Но я смотрю, что могу ещё сделать хорошего здесь и сейчас. А теперь извини, мне надо работать.

С этими словами Старатос пошёл по тропе вверх, там, где ещё корчились последние жалкие остатки, бледные выцветающие капли тошнотворной жижи, что пыталась наползти на деревню. Сначала он их было и не заметил, только теперь взгляд выцепил нестандартный цвет и движение. Старатос подобрал одну каплю серебряным пинцетом и поместил в серебряный же пузырёк, остальное сжёг. Ошмётки не сопротивлялись, кажется, всё подобие жизни ушло из них.

– Доктор, у вас ведь с собой походный микроскоп? Вы позволите им воспользоваться? – крайне любезно и вежливо спросил Старатос.

– Да, разумеется, но, если вы не возражаете, я буду наблюдать.

Старатос улыбнулся и кивнул. Научный интерес собрата был ему понятен. И, хотя взаимодействие с непредсказуемым объектом могло обернуться опасным, всё же им было необходимо пройти через это – вместе, потому что отказать доктору в уме даже у Старатоса высокомерия не хватало, и тот вполне мог заметить что-то, что сам Старатос упустит.

Постоялый двор оказался на удивление чистым, просторным и неплохо устроенным, не как обычно бывает в такой

глуши. Косые солнечные лучи падали через огромное, чуть ли не во всю стену, окно общей комнаты, множество дверей из которой вели в спальни для гостей, а чуть поодаль виднелась лестница вниз, на первый этаж. Светлые доски пола казались согретыми дневным светилом, хотя зимнее солнце было по-прежнему холодным и неласковым.

За неоценимую помощь, по сути – спасение деревни они разместились здесь бесплатно. Весь остаток ночи Ишка лечила поселян, а доктор Варатти и Старатос изучали секреты неаппетитной жижи. Никто из них так и не сомкнул глаз, и все трое выглядели не лучше выжатого и скрученного белья. Было очевидно, что выдержать ещё одно столкновение им не удастся.

– Я был прав. Эти существа созданы из человеческих эмоций, – с печальным торжеством того, кто обнаружил подтверждение своим догадкам там, где с удовольствием предпочёл бы ошибиться, сказал Старатос. – Как я уже говорил, внутри каждого из нас полно энергии, нашей движущей силы. Она состоит не только из здорового и тренированного тела. Мы все умеем чувствовать, и всякая наша мотивация рождается отсюда. Мы любим и ненавидим, боимся и радуемся. Колоссальная мощь, дарованная каждому человеку. А здесь перед нами чистый её концентрат, избавленный от смертных оболочек.

– Как вернуть её обратно? – холодно спросила Ишка. Ей было не по себе от одной идеи, что подобное возможно.

– Никак. То, что ты сделала – расшевелила в тех несчастных остатки, которые невозможно выкачать, пока бьётся сердце, да поделилась своими запасами. Поэтому тебе приходилось часто делать перерывы. Этот способ сработал единожды, но мы не сможем использовать его, если неизвестный или неизвестные начнут обрабатывать большие массы населения страны. Алхимические инструменты и механизмы минимизируют трату ресурсов и ставят производство заданных эффектов на поток. Анклав может обрушиться в бездну весь Эсканолл или превратить его в обетованный рай на земле, просто следует позиции вмешательства лишь в крайних случаях, как было с философским камнем. Но даже единственный алхимик, если вложит достаточно труда и знаний, способен натворить дел. Я точно знаю, как это работает, ведь я сам подобным занимался прежде.

Не то, чтобы Старатос себя простил, скорее – решил двигаться дальше, не слишком часто оборачиваясь на те времена, когда целиком отдавался прискорбным заблуждениям. Он знал, что искупить такое невозможно, но довольствовался тем, что, переосмыслив жизненные приоритеты, ещё мог принести пользу. И лишь надеялся, что на сей раз это действительно польза, а не очередной самообман. Лицемер ли он? Отпетая мразь? Лжёт всем – и в первую очередь самому себе? Старатос хотел если не исправиться, то более прагматично и приземлённо – выполнять свою работу безупречно. Он ведь теперь вновь алхимик Анклава. Когда-то был

одной из самых многообещающих звёзд этого сборища надутых павлинов, затем его со свойственной им торжественностью и апломбом исключили... и чёрта с два бы приняли обратно, не заставь их король.

– Но могу с уверенностью сказать одно – цели у нас разные.

– Ты уверен? – скептически спросила Ишка.

– Да. Моей целью были именно люди. Изменить их. Исправить, если можно так выразиться. Я и правда желал им лучшего, хотя мои представления об этом разительно отличались от чьих бы то ни было ещё. У того же или тех, кто действует здесь, есть необходимость именно в энергии, и им всё равно, какой ценой она им достанется.

– Но результат всё равно один, – проворчала Ишка.

– Результат очень разный. Возможно, мой был хуже, но он уже позади, и нам предстоит разобраться с тем, что перед нами сейчас. Но сначала мне нужно поспать хоть несколько часов. Надеюсь, вы не попадёте в неприятности за этот срок.

Его глаза и впрямь выглядели усталыми, они ввалились и потускнели. Старатос впервые за весь период знакомства Ишки с ним выглядел настолько нормальным человеком. Флёр недостижимости и вседозволенности, некоей избранности, особенности, слетел с него. Старатос казался почти домашним, и это её настораживало вместо того, чтобы расположить к нему. Ишка всё ещё опасалась привязаться к такому человеку, подпустить его слишком близко, доверить что-то лич-

ное. Кто один раз оступился – споткнётся снова, в этом Ишка была абсолютно уверена. И не хотела, чтобы Старатос увлёл её за собой, когда вновь неизбежно падёт.

Но путешествовать в компании личности, с которой лишь едва-едва преодолели острый конфликт, Ишке казалось полезным. Помогало оставаться в тонусе.

– Я не позволю никому прикоснуться ни к нам, ни к этим людям, – заверила его Ишка.

– Но ты тоже выдохлась. Продолжишь так давить на себя – надорвёшься. После того, как я немного отдохну, придёт твоя очередь. Возражения не принимаются. И постарайся, пожалуйста, не перетруждать себя, пока меня с вами не будет. Из посёлка лучше вообще не выходите. Договорились?

– Как скажешь. Я согласна, что это разумно, – Ишка кивнула.

– Вот и хорошо. Тогда я пошёл.

С этими словами Старатос зевнул в ладонь, вошёл в одну из комнат и закрыл за собой дверь.

– Он всегда такой? – Мира проводила его взглядом.

– Нет, обычно он хуже, – усмехнулась Ишка. – Неприятно сознавать, что при этом он прав, как всегда. Если болезнь души затронет целый большой город, вроде столицы, я ничем не смогу помочь. Я вышла на предел своих возможностей даже здесь.

– Вы сделали больше, чем кто-либо мог от вас требовать, леди Ишка, – ободряюще сказал доктор Варатти.

– И всё ещё недостаточно. Если алхимики могут накрыть разом целый город, может быть, реально создать устройство, которому будет под силу транслировать влияние моего дара на всех, кто в нём нуждается?

– И это неизбежно убьёт вас и вашего нерождённого ребёнка, ведь устройство будет черпать ресурс из вас как из донора. Вы не вправе брать на себя подобный риск, вы ведь так хотели это дитя.

– Да... Но разве жизни многих не дороже жизни одного человека или двух? Это ведь естественные подсчёты, верно? – упрямо возразила Ишка.

– Я не думаю, что разумно рассуждать в подобных категориях. Нельзя превозносить ничью жизнь над другой, даже если кажется, что их даже сравнивать грешно. Один, скажем, великий учёный, второй – уличный бродяга. Но жить ведь хотят оба, не так ли? И кто мы такие, чтобы судить, кто больше достоин? Вы готовы принести себя в жертву, леди Ишка, но я предлагаю поискать иной способ. Не разбрасывайтесь своим здоровьем и будущим так неосмотрительно, пожалуйста.

– Ты опекаешь меня, потому что не уберёг моих родителей, Варатти, и перегибаешь с этим палку, желая лишить меня права решать за себя! – вспыхнула Ишка.

Варатти вскинул руки в защитном жесте, словно испуганный вспышкой её раздражения. Они были давно знакомы и дорожили друг другом, и он вполне годился ей в отцы, но

Варатти ставил Ишку выше себя, как леди дома, которому он принадлежал. Она – госпожа, он – слуга, а гнев хозяев страшен всегда. Впрочем, от излишнего подобострастия Варатти тоже был далёк. Такими открытыми и беззащитными можно быть только перед самыми близкими и родными. Он и впрямь горько сожалел, что не сумел ничем помочь ди Гранелям. Теперь в ней воплотилась вся его надежда и единственный барьер против всепоглощающего чувства вины.

– Что вы, я всего лишь хочу, чтобы вы были осторожнее и рассматривали все варианты, прежде чем прибегнуть к самым крайним и крутым мерам! Вы и ваш ребёнок должны жить не ради вашего дара, леди Ишка, а ради себя самих!

– Почему вы так стараетесь ради незнакомых людей? – воспользовавшись секундной паузой, спросила Мира. – Если бы речь шла обо мне, я совсем не уверена, что пошла бы на такую самоотверженность, чтобы выручить чужих.

– Хм... Знаете, наверно, это и разумно. Но неприемлемо для нас, – задумчиво ответила Ишка. – Вероятно, дело в том, что меня просто воспитали так. Я не могу пройти мимо, если вижу горе или боль. Никто не должен страдать от одиночества или чьих-то непомерных амбиций. Возможно, дело в моём собственном эгоизме. В надежде, что, когда в беде окажусь я, мне тоже подадут руку. Я понимаю, что это не сделка и не обмен, и придут мне на помощь или нет не зависит от того, сколько я принесла в мир добра и зла, но меня просто успокаивает думать, что наши старания хоть иногда окупа-

ются, и что мне повезёт.

– Вы, по крайней мере, очень честны с собой. Мало кто может похвалиться тем же самым, – улыбнулась Мира.

– Я всего лишь слабый человек, и признание своих недостатков – способ хотя бы попытаться стать чуть-чуть лучше, – Ишка вздохнула.

Глава 4

Старатос лежал на кровати без сна, подняв руки за голову и закинув ногу на ногу, флегматично смотрел в пустой серый потолок. Плотные бежевые занавески приглушали солнечный свет, тот не бил в глаза и не мешал отдыхать. Над изголовьем висела акварельная картина вечернего моря, по которому на фоне заката плыл одинокий парусник. Старатос размышлял о произошедшем, о том, какое зеркало ему поднесли эти события. Иронично донельзя. Однако, свои испытания он выдержал, и теперь мог без трепета вставать перед такими врагами, потому что они воплощали не его злость, не его уныние и не его страх. Кроме того, алхимия учила принимать любые эмоции как естественные составляющие каждого существа, за которые не нужно стыдиться. Плохое и хорошее должно оставаться в естественной гармонии, иначе можно потерять себя. Когда люди притворяются хуже, чем есть на самом деле – они так же слепы, как люди, которые вечно стремятся всегда и для всех быть положительными.

Но именно из-за своего сходства с неизвестным преступником Старатос не желал его убивать и предпочёл бы найти

возможность не допустить этого любой ценой. Могущества алхимии не хватало, чтобы вернуть кому-то жизнь хоть ненадолго. И поэтому отнимать её могли спешить только глупцы или люди без совести. Откуда у провинциала, неопытного, но талантливого, без наставника или учебников, нащупывающего ключи к своему дару как получится, возьмётся достаточно сознательности заранее оценить последствия и вовремя остановиться? Эти существа, порождённые душами затронутых алхимическим воздействием людей, выглядели как поделки совершенно не владеющего собственной же силой наивного и любопытно го сопляка, у которого всё вышло из-под контроля.

Сам Старатос не боялся смерти, но и не стремился к ней. Она входила в естественное устройство вещей, но ему всё же хотелось успеть до её неизбежного прихода как можно больше. Пока Старатос чувствовал, что у него есть невысказанное и несделанное – он повременит с вечным покоем. Мотивациями Старатоса жить были интерес к новому, расширение границ возможного, абсолютная вера – у мира в запасе ещё найдётся, что ему предложить. На свете не осталось человека, ради которого он бы согласился жить и что-то делать. Даже ради сына – вполне самостоятельного и взрослого мужчины, который отца в гробу видал. Старатос считал, что дружба, конечно, бывает полезной, но нет ничего хуже друга, когда из-за какого-нибудь разлада он превращается во врага. Любовь же и вовсе только отвлекает от важных занятий и са-

моразвития. Человек собран, целеустремлён, понимает, чего хочет от жизни, но посмотрите, как он потерянно выглядит, когда влюбляется, и не находит себе места, и пренебрегает занятиями, ещё недавно важнейшими в списке его приоритетов. И нет ведь никакой гарантии, что его нежные чувства примут – и, будучи отвергнут, он и вовсе может пустить жизнь под откос. Это нерационально, нелепо, такая страстная привязанность и зависимость от кого-то – как вредная инфекция. Ишку он видел компаньоншей, разделял с ней на ограниченный период времени одну цель, но не более. Старатосу импонировало, что, скорее всего, тут она глубоко разделяет его подход, как бы ни различались их взгляды на всё остальное. Любила Ишка Ричарда или нет – сейчас это не мешало ей быть надёжной, как стальной клинок, и твёрдой, как гранитная скала.

Размышляя, сперва Старатос не обратил внимание на то, как в комнате стало темнее. Лениво и небрежно отметил было, что, наверно, на солнце напоззли тучи... и вдруг вскочил. Он увидел в неширокую щель между не сомкнутыми до конца занавесками совершенно ясное льдисто-голубое небо. Светило продолжало безмятежно сиять, а мрачно и холодно стало только здесь, в четырёх стенах, где Старатос находился. Нечто неосязаемое, неопишваемое, неотвратимое надвигалось на него, не интересуясь, к счастью, никем, кроме него, из тех, кто находился сегодня в гостинице. Впрочем, для Старатоса это было не таким уж большим облегчением.

Ему по-прежнему предстояло иметь дело с тем, что нельзя ни ударить, ни схватить, и вряд ли бегство поможет – лишь привлечёт посторонних, которые легко станут ненужными жертвами. Не то, чтобы Старатос трепетно относился к чужим жизням, готовый пожертвовать при крайней необходимости и другими, и собой, но допускать подобное там, где он мог и должен был защитить людей, не собирался. С него хватит. Прежде Старатос считал, что его эксперименты принесут всеобщее благополучие, если увенчаются успехом, и погубил на них десятки несчастных, увлечённых его речами. Он разочаровался в своей цели и отказался от неё – а, значит, ничто и никогда не искупит пролитую им кровь. Впрочем, сожаления Старатос заменил усердным трудом там, где вопрос, приносит он добро или зло людям, выглядел менее философским.

И теперь ему, кажется, предстояло дать урок тому, кто ещё не обжёгся горьким поражением. Слова тот вряд ли станет слушать, как не слушал сам Старатос призывы наставницы Ганиш образумиться и бросить свою опасную затею. Посмеётся пренебрежительно, да и всё. Пока его не схватишь покрепче да не тряхнёшь за шкуру, чтоб зубы лязгнули – так и будет дурить.

– Да не может того быть... Не верю, что ты, кретин, настолько обнаглел, – выдохнул Старатос, едва лишь его осенило, что происходит.

Тут-то он и догадался, почему столь многие жертвы были

обнаружены перед каминами. Старатос поначалу решил, что это лишь совпадение, или, может быть, их застали в то время суток, когда все собираются у огня. Но теперь он понял – их тоже проняло, как его в эту самую минуту, и они пытались согреться. Они не могли увидеть, как из них выпивают, как чай из стакана, личность. Воспоминания, эмоции, причины для того, чтобы жить. Несчастливым казалось, что их апатия естественна... А сколько людей по всему миру страдают от депрессии и уныния лишь потому, что ими кто-то кормится.

И нападение на него не было случайностью, которая могла произойти с кем угодно. Он выяснил правду и был единственным экспертом, способным дать ответы всей группе. Неизвестный алхимик устранял угрозу самым простым и доступным ему способом, но нарвался не на того.

Старатос закрыл глаза, сосредоточился на вторжении в его организм и визуализировал это. Он увидел нечто вроде прозрачного щупальца, проходящего сквозь стену и проникающего в его грудную клетку. Достигающего сердца. Старатос обхватил щупальце обеими ладонями, но не потянул, чтобы вытащить, а использовал как проводник, чтобы пропустить по нему разряд вроде управляемой молнии. Он знал – как бы далеко ни находился источник, откуда вылезло щупальце, ответный удар достигнет нужной точки. Щупальце конвульсивно задёргалось, пытаясь спастись, но Старатос держал крепко, направляя ещё и ещё электричество. Он не уйдёт, во всяком случае, пока что, но поразмыслить, как хо-

телось надеяться, заставит. Вряд ли доселе неизвестный получал такой отпор. Не исключено, что успел возомнить себя всемогущим. Обращение вспять того, что он считал своим безусловным преимуществом, будет неплохой поркой. Да, физические наказания – плохой вариант, но как тут иначе-то? Этот дурак причинил людям вред, который лишь чудом удалось исправить. Дар Ишки был абсолютно уникален, и, если бы так не повезло, что она решила отправиться с ними – местные обыватели уже никогда не вернулись бы в норму.

Щупальце вырывалось, пока создателю, видимо, не пришёл в голову вариант лучше, и он просто не развеял свою пакость. Старатос глотнул воздух ртом, мотая головой. Всё же ему не так уж и легко далась подобная щедрая трата энергии. Возраст алхимиков исчислялся не так же, как у всех остальных людей, чем активнее они использовали знание – тем дольше жили, поэтому возраст мало воздействовал на Старатоса... как он думал. И всё же в эту минуту он почувствовал себя на все свои годы, и даже вдвое старше. Наваждение вышло таким сильным, что на миг Старатос ужаснулся – ему почудилось, что он и впрямь постарел, и дряхлое тело уже не справится с задачей короля. Ужасная, леденящая иллюзия того, что у него всё, все возможности действовать, как-то проявить себя, позади. Даже солнце стало похоже на полупогасший фонарь.

Краски мира возвращались медленно. Пошатываясь, Ста-

ратос вышел из комнаты и направился к барной стойке, шаривая на поясе кошель. Он чувствовал, что не протянет без крепкой выпивки и часа.

– Выглядите так, словно из гроба встали, – заметила хозяйка, наливая ему полную чарку.

Старатос молча осушил ту до половины парой больших глотков, и только после этого заговорил:

– Причина есть, – не уточняя, он допил вино и подвинул чарку обратно, жестом прося добавки.

Хозяйка поставила перед ним фарфоровую тарелочку, щедро наполненную закуской – три ломтя пшеничного хлеба, дюжина маленьких солёных огурчиков, полдюжина колечек лука, цельное варёное яйцо, уже очищенное от скорлупы.

– Неужели такой герой, как вы, чего-то боится? Или, может быть, вы нездоровы?

В этом заботливом, казалось бы, вопросе Старатос различил нотки беспокойства. Ещё бы, это же маленький посёлок. Гости-то уедут, а любые проблемы, которые они создадут местным, останутся. Если он болен и заразит кого-то – то сможет вернуться в столицу и рассчитывать на лучшую медицину, а вот они должны оставаться здесь. Карета всех не вместит. Помощь из города рискует не успеть доехать в срок.

– Я просто устал, а отдохнуть не получилось, – нейтрально сказал Старатос. – Впрочем, поделом мне, я же работать приехал, а не в постели лежать.

– Но вы и правда плохо выглядите. Вам нужен покой... хоть немного.

– Потом. Лучше расскажите, у вас здесь вообще часто бывают проездом? – как бы между прочим спросил Старатос.

– Нет. За последний год никого. Только вы и та девушка. Мы на отшибе от цивилизации и не производим никаких полезных продуктов и благ. Иногда забредают случайные путешественники, но надолго не остаются, – женщина вздохнула.

– Но ваш-то постоянный двор есть, – резонно заметил Старатос.

– Да, ведь путники всё же появляются. И, кроме того, когда их нет, сюда приходят ночевать те, кто поссорился с семьёй. Обиженные на родителей дети или мужа, которых жена после ссоры выставила из дома. С большинства я денег не беру, но некоторые всё же считают своим долгом заплатить, как бы я ни отказывалась.

– А откуда деньги у них?

– В конце сезона мы отвозим в ближайшие города фрукты и овощи, выращенные в теплицах. В краю вечной зимы подобное стоит целое состояние. Самые отчаянные молодые парни и девушки покрепче нанимаются телохранителями в торговые караваны или к одиноким странникам. Ещё мы делаем поставки молока. Оно у нас особенное. В наших парниках растут редкие травы, придающие ему уникальный вкус. Мы раздобыли семена из далёких восточных стран, там они считаются пряностями. Вот, попробуйте, что получается.

Хозяйка сняла с полки пузатую голубую бутылку и чуть ли не торжественно вручила её Старатос. На вид содержимого бутылки могло хватить на компанию персон в десять, не меньше. Щедрость подарка нельзя было переоценить.

– Я не думаю, что сейчас хочу... – начал было он, но женщина перебила, не давая возразить:

– Значит, возьмите с собой.

Старатос послушно кивнул.

– Ещё у нас есть художница и вышивальщик, они продают своё творчество эстетам в городах и часто берут заказы. Торгует мелочами вроде топоров, сковород и лопат и наш кузнец. Мы не бедствуем.

– Но и вряд ли богаты, – задумчиво констатировал Старатос, подперев щеку рукой.

– Да. Если мы и зарабатываем какую-то приличную сумму, она быстро уходит на то, чтобы поддерживать деревню в достойном состоянии, чтобы не стыдно за неё было, даже если самого короля однажды вдруг к нам занесёт. Мы, конечно, знаем, что этого не случится, но так наша совесть спокойна.

– А многие покидают деревню навсегда? – уточнил Старатос и откусил кусочек от пятого огурца.

– Нет. Почти все остаются с нами. Они очень дорожат своей землёй и родственными связями.

– Достоинно зависти... Белой, разумеется, – соображения по поводу того, бывает ли вообще такое чувство, как зависть, хотя бы относительно белым, алхимик благоразумно оставил

при себе, не превращая приятную беседу в заунывный морально-философский диспут. – Я никогда не чувствовал такой привязанности ни к какому месту. Не мог себе позволить подобной роскоши с тем образом жизни, что я выбрал.

Старатос побывал во многих местах, знакомился с разными людьми. Оседлости он избегал, считая это слово другим определением застоя, однообразия, скуки, отсутствия прогресса. Вспоминал ли он о них, отправляясь дальше? Старатос помнил каждого человека на своём жизненном пути, даже если притворялся, что они – никто, и не имеют для него значения. Впрочем, они не были каким-то его сожалением о прошлом и не вызывали ностальгии, воспоминания он бы не назвал особенной важностью. Они просто оставались с ним, несмотря ни на что. Старатос любил людей и учился у них. Ни одну встречу он не считал напрасной.

– Вы удивительная компания. Пока есть такие, как вы – я верю в будущее нашей страны, – внезапно со всей искренностью сказала хозяйка.

– А я не верю. Я делаю.

Громко сказано, да, но Старатос не кривил душой. Даже если он грешник и преступник – наплевать. Что уж теперь, нельзя жить в этом мире и остаться святым. Все хоть раз лгали, или думали о ком-то плохо, или отталкивали кого-то. Даже если его злодеяния неискупимы – он не согнётся под их весом. Ричард не выдержал и сам пошёл под суд, позволил запереть его в тюрьму, но Старатос не такой эгоист и страда-

лец. Он закусит губу, возьмёт себя в руки и продолжит стараться хоть как-то пригодиться окружающим.

От буйства красок и ароматов под непрозрачным светлым куполом теплицы у Ишки кружилась голова. Она не привыкла к такому изобилию, а большинство того, что росло здесь, вообще впервые видела. Например, круглые красные плоды гроздьями на зелёном кусту. Женщина по имени Орфана, та, что впустила Ишку сюда, называла их помидорами.

– Огромное вам спасибо, что показали это место, – сердечно сказала Ишка, улыбаясь уголками губ.

– Если вам станет слишком душно и жарко – немедленно скажите, я выведу вас.

– Я могу и сама выйти, – удивилась Ишка.

– Теплица устроена в виде лабиринта. Несложного, но всё же. Когда человеку плохо, он соображает хуже и может даже потерять правильное направление, хотя буквально только что прекрасно его знал. Пожалуйста, не стесняйтесь позвать меня, если так произойдёт.

– Хорошо, – кивнула Ишка и медленно пошла вглубь, любясь пышной растительностью.

Жаль, что в Эсканолле ничего из этого не приживётся, даже если она создаст в комнате нужную температуру. Ишка не обеспечит все необходимые условия. Поэтому она хотела сполна насладиться визитом сюда. Напомнить себе, чего можно лишиться из-за неспособности управлять своим

даром или потакания спонтанным эмоциям. Ведь говорили, что алхимик, наложивший на страну вечную зиму, то ли потерял любимую, то ли был оскорблён обвинением в чужом преступлении.

Глава 5

Варатти стоял на пороге таверны, засунув руки в карманы и глядя на небо. День выдался солнечным, но ближе к вечеру всё затянули бедно-серые облака, похожие на несвежую вату. Дорога, по которой они пришли, напоминала замёрзшую реку. Становилось морознее. Доктор не находил себе места от тревоги. Он был против приезда леди Ишки сюда, но не пытался её останавливать – знал, что бесполезно. Если уж она что-то втемяшивала в голову, ей никак не помешать, даже если приковать в особняке. Она теперь глава рода, она несёт ответственность за честь имени ди Гранелей. Её рвение было бы полностью оправдано, если бы речь шла только о ней самой. Варатти гордился леди Ишкой, но предпочёл бы, чтобы она оставалась в безопасности хотя бы до тех пор, пока не родится ребёнок. Или, если уж на то пошло, и ей без работы неймётся, не брала бы поручения вне границ столицы. Там их тоже полным-полно, например, помогать жертвам насилия или несчастных случаев, ведь сила Ишки излечивала души и разумы. Это сложный и кропотливый, ведь реабилитация даже одного-единственного человека могла занять несколько лет кряду, но ничем не угрожающий ей и её малышу труд.

Это дитя... Варатти задавался вопросом, совмещается ли потенциал духовной энергии и алхимии. Друг другу они во все не противоречили, наоборот, первое могло сделать второе во много раз мощнее, потому что именно от запасов собственных ресурсов человека зависело, насколько охотно и послушно стихии природы отзовутся ему, как далеко он может тянуться за источниками силы, долго ли удастся поддерживать связь. С другой стороны, если ведущей стороной окажется ген Ишки, а не Ричарда – ребёнок получит её возможности, но расширенные всеми естественными элементами мироздания – огнём, землёй, воздухом и остальными. У алхимиков их призыв без специальных символов и слов могущества занимал десятилетия изнурительных тренировок, а такой ребёнок сможет шутя, с ранних лет вызывать пожар или наводнение щелчком пальцев, ведь ему не придётся поддерживать баланс между внешним и внутренним, оно будет идти из него, бить полноводным ключом. Этот интерес был более чем логичен, ведь никто прежде такое не проверял, но Варатти не поднимал тему, чтобы другим не показалось, будто это единственное, что его волнует в ребенке Ишки. Или что он хочет убедиться, что у крови ди Гранелей будет здоровый и сильный наследник. Что такие вещи заботят его больше, чем появление новой жизни и личность этой жизни. Нет, Варатти собирался первым помешать кому бы то ни было использовать кроху как инструмент реализации планов или несостоявшихся у них самих амбиций. Помешать видеть в

бедняжке лишь очередного носителя громкой фамилии, хорошо устроившегося по случайному праву рождения хозяином или хозяйкой роскошного особняка и впечатляющего богатства.

Варатти не нравилось в деревне, и он не доверял местным. Среди них мог скрываться злоумышленник, выдать себя за одного из пострадавших не так сложно, как может показаться. А, если не он сам – то его соглядатаи. Нельзя исключать, что, почуяв приближение отряда, тот ловко выдал поделников за невинных обывателей. Или воспользовался их наивностью и решил избавиться вместе с остальными. Варатти совершенно не верил в то, что потеря душ началась именно отсюда без причины, хотя доказательств не имел. Кто-то из этих переполненных благодарностью людей – волк в овечьей шкуре. Узнать бы, кто стал первой жертвой... Преступники часто проверяют свои возможности в первый раз на тех, к кому им проще всего подобраться. Или на тех, к кому у них есть что-то личное – желание отомстить, например, или зависть, или нездоровая одержимость страстью.

Варатти немного стыдился того, что в бою служил Ишке и Старатосу обузой. Вне своих медицинских познаний он был самым обыкновенным человеком. Ему следовало бы остаться с кем-то из них, чтобы они защитили его, если целью следующего нападения станет он как самая лёгкая мишень, но это казалось слишком унижительным. Варатти поехал с ними не для того, чтобы болтаться обузой на шеях. Размышления

такого толка были не достойны взрослого, зрелого человека, верно, и всё же Варатти никуда не мог от них деться.

– Тоже чуешь нечистое?

Варатти вздрогнул от мягкого глубокого голоса – Старатос неслышно подошёл к нему со спины.

– Я проболтал с хозяйкой часа три кряду, но так ничего и не добился, – признался алхимик. – Но я тоже вижу наше положение как затишье перед бурей и всё пытаюсь угадать, откуда ударит в следующий раз.

– Интересно, мы уже разозлили этого человека... ну, или людей? – риторически спросил Варатти.

– Да как бы не повеселили, – мрачно буркнул Старатос.

Внезапно со стороны теплиц что-то ослепительно полыхнуло. Они узнали этот свет – Ишка с кем-то сражалась. Они кинулись было туда, но на их пути выросли бледные, длинные и неестественно тощие шатающиеся фигуры. Они внушали подсознательное, почти инстинктивное отвращение своей извращённой гуманоидностью, карикатурные клоуны, но те, что существуют не в цирковом балаганчике, а на страницах страшных историй. На их мелово-белых лицах тарихились круглые чёрные провалы вместо глаз, вместо ртов тянулись словно бы наспех начерченные линии, а носы вообще отсутствовали. Слишком длинные руки и ноги, слишком короткие тела. Вдобавок ко всему, твари казались сырыми, полуматериальными, недолепленными, словно кто-то вытолкнул их в мир чересчур торопливо.

– С дороги! – рявкнул Старатос и всадил стукотк пламени в грудь одному из существ.

Но вместо того, чтобы развеяться, странная живая тень затащила пробитую дыру за считанные секунды. Она всё ещё напоминала шатающегося пьяницу, пытающегося добраться до дома по незнакомой улице, но вполне отчётливо понимала, кто её цель. Остальные вели себя так же – гротескные пародии на людей.

– Да что это такое? – Старатос отступил на шаг.

– Сомнения, полагаю, – напряжённо сказал Варатти. – И убить их грубой силой не получится.

– Вы испортили весь мой замечательный план! И зачем только явились?!

Ишка никогда бы не предположила, что невысокий и щуплый подросток лет пятнадцати может так бушевать. Он был готов убить, а она, разумеется, не выстрелит в ребёнка. Ишка прыгнула в сторону за мгновение перед тем, как в пол там, где она только что стояла, врезалась извилистая молния, оставляя глубокий выжженный след.

– Они никогда не должны были очнуться, а вы влезли!

– Ты всё равно не смог бы уйти с этим! Чем ты думал, поставив под удар себя и своих родителей?! – искренне недоумевала Ишка.

– Родители, ха! Да, я их сын, но они меня никогда не любили! Никто не любил! Я хотел, чтобы они все на себе про-

чувствовали, что значит быть никому не нужным и ничего не хотеть! Забрать у них всё, чего они так и не дали мне!

Мальчик лил злые слёзы и не смотрел, куда швыряет атаки.

– Ты что, умереть хотел? – движениям Ишки позавидовал бы любой акробат. Иногда она ускользала от попадания на волосок, но всё же ускользала.

Хорошо хоть, что Орфана, повинувшись её истошному крику сразу после внезапного нападения, успела убежать.

– А что мне было терять?!

Слева от Ишки раскололся один из поддонов, содержимое вывалилось на пол. Сердце Ишки больно сжало чувством невосполнимой утраты, хотя рассаду ещё можно было пересадить в другую почву. Нужно убраться отсюда подальше, пока дуралей вообще всё не разнёс. Этот островок ценной зелени был таким же редким великолепием здесь, как оазис – в пустыне, или снег – в диких джунглях далёкого Юга. Вырастить так много всего, совершенно разного и по-своему притягательно – настоящее искусство. Парень не берёт не только здоровье близких, но и вообще, кажется, ничем не дорожил. Ишка поневоле ужаснулась, пытаясь представить, насколько пуста и бессмысленна была его жизнь в подобном неблагоприятном краю.

– Жизнь, конечно, не всегда хорошая штука, и порой она больно бьёт, но разве у тебя совсем не было причин потерпеть, пока ты не вырастешь и не сможешь уехать отсюда?

Мальчишка истерически расхохотался. Он был далеко за гранью срыва и не воспринимал нормально никакие аргументы. И, хотя полностью сумасшедшим назвать его было пока ещё нельзя, он стремительно двигался в этом направлении. Буквально во весь опор катился под гору, где его личность будет сломлена окончательно.

– Уехать?! Куда?! Как будто хоть где-то нужен оборванец вроде меня!

– Ты алхимик! В Анклаве тебя бы приняли с распростёртыми объятиями! – Ишка подобралась наконец к двери, одним быстрым движением распахнула её и выскочила на улицу.

– Анклав? Я не собираюсь никому подчиняться! Они не будут распоряжаться мной, пользуясь моим возрастом и бедностью! – презрительно фыркнул мальчик, выходя следом за ней. – Взрослые в столице ещё более испорченные, чем здесь!

– Ты неправильно понимаешь суть Анклава, – Ишка побежала вокруг теплицы, стараясь, однако, не пропадать у него из виду, чтобы ему не взбрело в голову идти громить деревню. – С нами один из его представителей, вы можете поговорить...

Не то, чтобы Ишка доверяла Старатосу, и уж точно считала, что ему лучше держаться подальше от детей и не смущать их своими дурными фантазиями – этот дурак уже сам начал доставлять неудобства людям. Хуже вряд ли могло стать.

Старатосу всё же нельзя было отказать в какой-никакой сознательности, он умел организовать себя, и поэтому Ишка надеялась, что он вдолбит хотя бы подобие этого в юного недоалхимика.

– Говорить с тем, чей дар слабее моего? Плохая шутка! И что он мне предложит? Быть хорошим мальчиком? А если я не хочу? Он будет диктовать мне, что хорошо, а что плохо? Спасибо, не надо!

– Тебе-то как раз и надо! За что ты так всех ненавидишь? – возмутилась Ишка.

– Ты, наверно, никогда не давилась тем, насколько ты бесправна и беспомощна только потому, что младшая в своём окружении... Тебя не загоняли в угол и не избивали там, зная, что ты не ответишь... А потом у меня появилась эта сила, и я поклялся заставить их платить.

У мальчика дрожали от злости губы, он сжимал кулаки и наверняка испепелил бы любого, кто сейчас попался бы ему на глаза. Он хотел, чтобы мир кричал от боли так же, как кричал он сам. Чтобы все поняли, как ему плохо. Если только через насилие можно это донести – он согласен пойти и на такую меру. Ведь очень приятно откинуть все внутренние ограничения.

– Я понял, что отныне они будут дрожать от страха и лепетать мольбы о пощаде. С меня хватит.

– Тебя убьют, если ты не прекратишь! Его Величество не потерпит твоих выходов! – у Ишки дрогнул голос.

Мальчик ухмыльнулся.

– Ну, что же, у меня есть выход. Стать настолько сильным, чтобы никто не смог меня одолеть, пока я не закончу со своей мезтью.

– Ты не сможешь сражаться с армией! – Ишка продолжала бежать от деревни, петляя между деревьев.

Из-за жары в теплице она сняла часть верхней одежды, и теперь только постоянное движение и адреналин мешали ей замёрзнуть. Впрочем, с таким преследователем по пятам ей это и не угрожало.

– Пока ты болтаешь со мной, мои слуги убивают твоих людей. Всё ещё хочешь заступаться за меня и видеть во мне того, кто может вернуться на так называемую праведную сторону? – насмешливо поинтересовался мальчик.

– Прекрати это! – вскрикнула Ишка и развернулась к нему.

– С чего бы? Вы первые сунули нос в мои дела, а, значит, не лучше всех остальных.

– Не ставь крест на своём будущем... Слушай, мы можем расследовать всё, что здесь произошло, и, если никто не заботился о тебе как следует, мы заберём тебя в Эсканолл, дадим хороший дом и семью, образование... Мы можем устроить всё это и даже больше! Тех, кто обижал тебя, мы накажем по закону. Тебе ни к чему становиться убийцей и потом всю жизнь жалеть об этом. А ты пожалеешь, уверяю. Кстати... Как тебя зовут?

Мальчик замялся, переступил с ноги на ногу и растерянно пробормотал:

– Ванни... Эй, не поучай меня! – тут же взвился он, и ещё один белоснежный искрящийся сгусток полетел Ишке в голову.

Ишка взмахнула перед собой рукой в отвращающем жесте, и шаровая молния натолкнулась на прозрачную преграду. Тут же Ишка усилием воли и ещё одним движением ладони отослала разряд обратно. Для её обострённого в эту минуту восприятия тот двигался до скучного медленно.

– Это сейчас тебе кажется, что ты готов сплясать на их могилах, но потом тебе станет стыдно, горько и паршиво. Когда ты осознаешь, что натворил.

Тело мальчика поглотило собственную алхимию безо всякого вреда, сияющий шар буквально впитался в его грудь.

– Я не хочу смиряться! Не хочу их прощать! Не хочу, чтобы кто-то другой опять забрал то, что принадлежит мне, потому что я сам ни с чем не могу справиться! – завопил он.

– А потом что? – резонно уточнила Ишка. – Ты напрасно видишь всех вокруг как врагов. Я, например, тебе не враг.

– Значит, ты дура!

И мальчик наградил её целым дождём обжигающих абсолютным морозом стрел. Но Ишка не дремала, и её защитное поле заставило ледяную смерть безвредно рассыпаться вокруг мириадами крохотных осколков.

– Поедем с нами. Всё будет хорошо, – продолжала угова-

ривать Ишка. – Я спасла людей, значит, сообщать о том, что ты натворил, Его Величеству вовсе не обязательно. Я скажу, что мы нашли новый выдающийся талант, и тебя возьмут в обучение. Ты станешь уважаемым человеком... и нужным другим людям. Разве ты этого не хочешь?

– Докажи свои слова, – у мальчишки запрыгали губы.

Ишка опустила руки и, улыбаясь, посмотрела ему в глаза. У неё больше не было оберегающего щита. Никакого подвоха она устраивать не собиралась, целиком предоставляя ему решать. Ишка уже сказала всё, что могла, и, если он так и не прислушается – это останется на его совести. Она не желала делать из ребёнка убийцу, и уж давно не собиралась жертвовать собой, но, раз уж тот сам столь усердно и твердолобо к этому стремится, если это и впрямь его заветная мечта, способная пересилить всё остальное – что же, так тому и быть. Не остановится глупыш – и рано или поздно перешагнёт эту черту. Возможно, это было безответственно с точки зрения той, кто носит плод, но как много других матерей, тоже беременных, как много младенцев, как много достойных мужчин погибли, если Ишка не справится с закусившим удила малолетним хулиганом? Иногда, кроме тебя, сделать попросту некому.

Она ожидала любого исхода с подлинным достоинством ди Гранелей – непоколебимой скалой выдержки. Они не были нездоровыми личностями, упивающимися смертью, но иногда противиться естественному ходу вещей не только

невозможно, но и неразумно. Люди умирают ежечасно, не делясь на праведных и неправедных, достойных и недостойных. Ишка не ставила себя выше других и понимала – её очередь тоже настанет, возможно, в самый неподходящий, неудобный момент. Других не пощадили, не позволили закончить дела и попрощаться с близкими, и ей нечего на это рассчитывать, если всё обернётся плохо. Смерть справедлива даже в несправедливости.

Глава 6

Жуткие в их убогости, в отсутствии даже крох разума, влекомые даже не какой-то ненавистью к живым, а то ли голодом, то ли каким-то ещё более примитивным инстинктом человеческие карикатуры не имели никаких особых способностей и точно были не чета алхимику и доктору, но они брали числом. Они окружили, и каждое создание тянуло дрожание, как у дряхлых стариков, пальцы к горлу жертв. Казалось, они вот-вот навалятся и раздавят колышущейся бесформенной массой тел, рук и ног. Старатос раз за разом отгонял их пламенем, но они возвращались, как мухи летят на мёд или бабочки на свет лампы. Его касания льдом тоже не приносили никакой пользы – лёд вредил им даже меньше, чем огонь, ведь они не замедлялись ни на секунду, даже будучи проткнутыми насквозь. Старатос и Варатти не сражались, просто тянули время, пытаясь придумать план.

– Мы боремся не с ними, Старатос, вы же это понимаете? То, что делает нас такими лакомыми целями... Наша неуве-

ренность в себе, в том, что мы поступаем как надо, что для нас приемлемо быть такими, как мы есть. Мы внушаем себе это, но в глубине души вы всё ещё не простили себе то, что творили в прошлом, а я считаю гибель родителей леди Ишки на моей совести, хотя и понимаю умом, что ничем бы не помог им, только погиб бы с ними, и она осталась бы без поддержки...

Варатти увернулся от следующей твари и пригнулся – над ним пролетел пылающий шар и врезался сразу в нескольких. Они повалились, в точности как сбитые удачным броском кегли, но упрямо продолжили подниматься, а некоторые прямо так и поползли к людям. Это бездумное и бездушное упрямство поражало, даже ужасало – слишком отчётливо напомнило некоторых вполне живых и с виду нормальных людей, изнашивающих себя и теряющих всякий смысл жизни в погоне за химерическими целями, которые на самом деле им не нужны. Даже Старатос впечатлился – таким же пустым становится взгляд любого, кто, если будет искренен с собой, признает, что не имеет никакого понятия, для чего он занимается этим или тем, просто по привычке, по инерции следует когда-то давно проложенному, возможно, на тот момент не зря, но к настоящему времени утратившему всякий смысл пути. Возможно, они столкнулись не только с сомнением, но и с овеществлённой сутью персеверации.

– Но и это тоже оправдание. Я всегда гордился своим умом, но в итоге его не хватило, чтобы спасти тех, кем я до-

рожил. И я боюсь продолжать. Леди Ишка всегда была сильной, самостоятельной, упрямо и решительно шла вперёд, и мне страшно смотреть на неё сейчас, страшно, что я потеряю последнюю из ди Гранелей и уже не прикроюсь тем, что происходящее было выше моих возможностей. Я поехал с вами, чтобы пригодиться, но смотрите, как я бесполезен.

Старатос ничего не ответил, зато тени торжествующе взвыли, предвкушая пир. Варатти, однако, прямо взглянул на ближайшую к нему и бестрепетно толкнул ладонью в грудь. Тварь зашаталась и шлёпнулась на спину, раскинув руки.

– С меня хватит. Я никогда не стану обузой, – твёрдо сказал доктор.

– Никто и не относился к вам так. Эту стену вы построили сами, – тихо ответил Старатос. – Но и у меня есть стена. Я делаю то, что делаю, не ради будущего, а чтобы искупить собственное прошлое и чувствовать себя лучше. Люди для меня лишь средства, такие же, как в те годы, когда меня ослепляла мечта перевернуть мироустройство. Я весьма эгоистичен.

– Что же, чистосердечное признание – первый шаг к исправлению, – Варатти улыбнулся.

Как бы впечатлённые наглостью отпора, враги словно бы уменьшились вдвое, стали полупрозрачными и жалкими.

– Это действует, – удовлетворённо констатировал Варатти.

Что означало, они поняли свои недостатки не только на словах. Их сердца укрепились. Худшие стороны человека, выраженные в подобной вещественной форме, нужны не для того, чтобы сломить его, а как зеркало, в котором он может взглянуть на себя со стороны. Проходя через испытания, они находят себя заново, принимают всё, от чего так долго и старательно отворачивались, замалчивали, словно всё в порядке. Они изранены вдоль и поперёк, но почему-то стыдятся открыто рассказывать об этом. В обществе не принято показывать слабости, всем неловко и неприятно смотреть на это. Но умение делиться подобным – вовсе не слабость, а преимущество. Люди видят, чем могут помочь друг другу, и, вместо того, чтобы барахтаться в болоте по отдельности, выбирают на твёрдую почву сообща. Присутствие рядом тех, кто может вдохновить и показать как элементарные, так и действительно сложные вещи с неожиданных сторон, может переломить даже самое унылое положение.

Протяжно и заунывно, как кладбищенские шакалы, воющие от голода, застонав в унисон, фигуры ни с того, ни с сего осели на мёрзлую землю. Так обычно тают весной снеговика, так падают лишённые опоры соломенные чучела. Это не вызывало ни оторопи, ни суеверной жути, лишь острое страдание. По сути, лишённые даже права сформироваться полностью во что-то здоровое и адекватное, они выступили как влекомые чужой волей марионетки.

В дальнем конце просёлочной дороги, там, где располага-

лись теплицы, появилась Ишка, она вела за руку какого-то малолетнего оборванца. В столице даже нищие из окраинных районов одевались лучше.

– Так, значит, это и есть наш главный злодей? – Старатос улыбнулся. – Приятно познакомиться с тобой лично.

Паренёк насупился, но промолчал. Старатос потрепал его по и без того взъерошенным волосам. Непривычное ощущение, ведь даже родного сына никогда так не гладил. Варатти в лице не изменился, а вот Ишка явно удивилась.

– Поедешь с нами? – продолжал Старатос.

Всё так же без слов мальчик кивнул. Он избегал встречаться с кем-то взглядом. Если бы это было возможно, Старатос предположил бы, что ему стыдно. Трудно поверить... хотя почему бы и нет. Про Старатоса тоже так говорили, но он действительно раскаялся и с ужасом и отвращением вспоминал собственные же прошлые заявления, сводящиеся к тому, что ради великой цели сопутствующие жертвы ничего не стоят. Что люди бывают незначительными, и, если они простые обыватели – их звёздный час наступает, когда они попадают во власть кого-то великого и помогают реформировать устаревшие основы мира. Что они обязаны считать подобное за честь, пусть даже эксперименты лишают их рассудка и человеческого облика. Старатос был чудовищем и признал вину. Но он находился здесь, потому что ему позволили исправляться, поверили, что он ещё не окончательно потерян.

И он старался изо всех сил, чтобы больше не пришлось ни перед кем мучительно краснеть.

– Каждый из нас получил возможность искупления, и ты её тоже заслуживаешь, – добавил Старатос. – Ты не просто сбился с пути – ты и не мог его здесь отыскать. Я был гораздо старше тебя, когда натворил ещё худших бед. Мы – обычные люди с огромными возможностями. Наше восприятие ограничено, знания неполны, и мы поддаёмся эмоциям. Но это и делает жизнь интересной, как по мне.

– Почему вы добры к тому, кто пытался вас убить? – пролепетал мальчик.

– Потому что не убил, очевидно же, – Старатос перевёл всё в шуточный тон.

– Пойдёмте выпьем чего-то горячего. Я замёрзла и устала, – вмешалась Ишка.

Признаться, ей стало не по себе. Прощать и быть прощённым, не значит ли это обесценить причинённый вред или пролитую кровь? Погибших не вернуть, а многие раны не вылечить. И не глупо ли давать ещё одну возможность обмануть себя? Единожды солгавший по-серьёзному – рано или поздно неизбежно повторит это. Ишка привыкла быть категоричной, рубить сплеча, не сомневаться никогда и ни в чём. Ди Гранелям некогда было останавливаться, оглядываться, погружаться в размышления, они предпочитали слыть людьми действия. Но не делает ли недостаток

милосердия и терпения её жизнь пустой? Выдержке Ишки многие завидовали, но она никогда не проявляла толерантности к тому, что считала злом. Даже если это значило отказаться от возлюбленного или друзей. Но Старатос выглядел для неё личностью за гранью искупления, она не дала бы за него и медного гроша, а он, между тем, спас столицу, да и тут без этого эксцентричного алхимика уже бы все погибли.

Так не следует ли ей протянуть руку Ричарду, томящемуся за решёткой? Да, он был не прав, и грандиозно не прав, но всё же не закоренелый преступник, а сбившийся с пути агнец. Своему промаху и его результатам Ричард ужаснулся куда больше, чем они все. Кто, как не Ишка, носительница света, выведет его из тьмы? Она не должна, верно. И так берёт на себя непомерный труд. И всё же он до сих пор значил для Ишки куда больше, чем она хотела признавать. И ведь она сама тоже перед ним виновата, Ишка не была с ним полностью искренна.

То, как человек теряет веру в другого человека, ставит на нём крест, уходит – всегда оставляет шрам покинутому. Никто, конечно же, не должен до конца дней оставаться привязанным к кому-то, кто опостылел, но иногда ты отрекаешься от личности, когда ей или ему оставался всего шаг до успеха и признания. Даже если этот успех заключается только в похвале близких. Многие и не ставят себе высокие цели, такой малости им достаточно. Они часто не могут понять, что не были виноваты, просто чьи-то ожидания не совпали, ил-

люзии разбились об рифы реальности, а терпение слишком быстро иссякло. Те люди просто не нашли для себя причин давать больше времени и пытаться принять правду, как она есть. Вот и Ишка сбежала в отвращении перед тьмой Ричарда вместо того, чтобы помочь избавиться от этакой пакости. Да, это её неотъемлемое право, но Карои-то остался верным падшему на дно другу, хотя и по его рыцарским принципам Ричард наломал дров и абсолютно точно был не прав. Карои остался, а она предала.

– Карета готова, мы можем отправляться назад, – Старатос вошёл в общее помещение.

Он был вовсе не похож на прежнего себя. Ни на ту холодную, отрешённую от всего мирского, непостижимую версию, так похожую на ожившее каменное изваяние божества, с которой они столкнулись когда-то в его секретной лаборатории, ни на замкнутого, сосредоточенного только на деле и малообщительного мужчину, сопровождавшего Ишку в начале путешествия. Старатос, казалось, расслабился, он был по-прежнему уверен в себе, но улыбка сияла открытостью, а свет в глазах Ишка не спутала бы ни с чем другим – мрачные тучи, что владели его сердцем, истаяли, словно дым ароматных курительных палочек или тонкий слой инея. И что-то в ней тоже смягчилось, перестало хищно топорщиться сотней отравленных шипов. Она бы ещё не назвала Старатоса другом, но и настораживаться в его присутствии, будто он вот-вот обернётся трёхголовым рычащим чудовищем, отны-

не перестанет. По крайней мере, Ишка очень хотела на это надеяться.

Нельзя же всё-таки изводить себя подозрениями и желчной критикой вечно. Лучше решать проблемы по мере их поступления. Предаст Старатос Анклав снова – тогда и придётся думать, как от него избавиться, а пока они на одной стороне. И, как ни поразительно, Ишка вдруг осознала, что положиться на него может куда больше, чем на Ричарда – Старатос производил впечатление куда более зрелой и самостоятельной личности, он вёл за собой, тогда как Ричард сам часто нуждался в наставлениях. Ишка, конечно же, с удовольствием его поддерживала, но иногда уставала от этого, и её хотелось взрослого, уверенного в себе, твёрдого в каждом шаге партнёра. Порой ей казалось, что она не партнёр Ричарда, а его опекун, нянька. Он не позволял такому ощущению задержаться достаточно надолго, чтобы оно стало раздражать, но осадок всё равно копился понемногу.

– Поздравляю вас с тем, что вы так быстро закончили. А я, пожалуй, ещё останусь, – сказала Мира, также появляясь на пороге её номера. – Теперь, когда мне в здешних краях ничего не угрожает, я хочу посмотреть, что тут есть интересного. В любом случае – у меня сколько угодно свободного времени, ведь меня никто нигде не ждёт.

– Если ты когда-нибудь мимоходом окажешься в столице и улучишь свободный день – особняк семьи ди Гранель всегда к твоим услугам, я буду тебе рада, – сердечно сказа-

ла Ишка. – Ты не заблудишься, любой укажет тебе направление.

– Я странница, и мне не слишком-то по вкусу большие города, так что не буду ни обещать что-то, ни исключать такой возможности. Спасибо за любезность, – довольно кивнула Мира. – И знаете, что? Я не такая выдающаяся, как вы. У меня нет никаких особых способностей. Я даже драться не умею, встречая на пути опасность, я убегаю от неё, в этом я хороша. Но... Когда мы встретимся в следующий раз, я сделаю всё, чтобы не быть вам обузой, вынужденной лишь сидеть в укрытии и ждать, пока вы разберётесь с проблемами. Непременно освою пару полезных трюков, обещаю! – она хитро подмигнула.

– Но это ведь наша работа – помогать, – возразила Ишка. – Не подумай, что мы просто выполняем постылый долг, как нам велено. Мы отдаём ей все силы. Но для этого и нужны люди вроде нас. Служить тем, кому нечем себя защитить.

Она всегда считала, что людям вовсе не обязательно заставлять себя драться за свои идеалы, имущество или жизнь, если они к этому не предрасположены. Каждый получает своё, какие-то собственные таланты, и нельзя сказать, какой важнее – школьного учителя, поэта, земледельца или рыцаря. Без любого из них картина мира будет неполна. Так вот, те, кому дана именно сила, обязаны использовать её во благо слабых, но созидających, и неважно, что – картины, архитектуру или новую жизнь в любых формах. Люди прекрасны

именно своим разнообразием, и среди них нет тех, кто лучше или хуже. Ишка, вот, сумела спасти эту деревню, никому из местных такое не было по плечу – зато они здесь выращивали фрукты и овощи в условиях вечной зимы, а она в таком вовсе ничего не смыслила. Старатос – гениальный алхимик, смекалка которого спасла столицу. В бою он внушал ужас и восхищение... зато с детьми, что ей было точно известно на примере его же собственного сына, у Старатоса не ладилось, а какая-нибудь воспитательница, не способная даже прочесть алхимический знак, управлялась с ними так же легко, как дышала. Поэтому Ишке и в голову бы не пришло обвинить Миру в бесполезности или что-то требовать от неё.

– Глупо думать, что есть герои, берущие все тяготы на свои плечи и прикрывающие тебя широкой спиной. Даже если вы этому обучены и взяли такую ношу на себя – мы не вправе возложить всё вам на спины, сесть сверху и свесить ноги. Полагаясь только на чужую защиту, теряешь самоуважение. И я... я не хочу быть лишь той, кто смотрит вслед отважным воинам в сверкающих доспехах и вздыхает. Я хочу решать сама, двигаться вперёд, даже если некому позаботиться обо мне, и пригодиться другим, если уж на то пошло, – объяснила Мира.

– Но это может стоить тебе жизни, – резонно заметила Ишка.

– И что же из того? А пустая и унылая жизнь, в которой мне так ничего и не удастся до окончания дней, лучше? –

упрямо гнула своё Мира. – Я не рвусь жертвовать собой, но сделаю это, если придётся.

– Хм. Твой настрой вызывает уважение, – неопределённым тоном вставил так и ожидавший спутников у выхода Старатос.

– Благодарю, – рассмеялась Мира.

Глава 7

Ванни устроился с ногами на сиденье карты и, обняв колени, смотрел в одну точку перед собой. Он выглядел бледнее, чем обычно, при том, что и прежде не отличался здоровым цветом лица, и Варатти обеспокоенно наклонился к нему:

– Если тебе нехорошо – у меня с собой есть ёмкость, в которую можно опорожнить желудок.

– Нет, мне не плохо... Я просто ещё не привык к тому, что больше не увижу дом и семью. Или увижу не скоро.

– Разве ты не этого хотел? – заметил Старатос.

Э Я... да, но всё будет иначе, всё незнакомое, а я впервые за пределами деревни. Даже если я ненавидал их, я привык к этим людям. Они были единственным миром, который я знал. Я не хотел жить в этом мире настолько, что был готов умереть и взять их всех с собой... Но мне придётся жить, и я не знаю, как. У меня ничего нет. Я буду казаться совой среди ворон.

Ванни нахохлился, напоминая вовсе не сову, а взъерошенного воробья. Казалось, он окончательно запутался в себе, и его мысли продолжали бросаться из крайности с край-

ность, разве что в драку Ванни больше не пытался лезть.

– Я понимаю, что ты боишься, – сказала Ишка. – Но ведь тебе интересно, не так ли? Я сама позабочусь о том, чтобы с тобой ничего не случилось, пока ты не начнёшь чувствовать себя в Эсканолле как дома.

Ванни вздрогнул и вскинулся.

– Да ведь я не знаю, что такое как дома! Ты явно имеешь в виду что-то хорошее, но для меня дом – это дыра, где меня бьют и обзывают, попрекая каждым куском хлеба... Я хочу увидеть это так, как видишь ты.

– Я постараюсь, – Ишка погладила Ванни по руке. – Хотя вряд ли я подходящая для этого персона. Видишь ли, в моей семье слишком близкие и тёплые отношения тоже не были приняты. Меня не били и не оскорбляли, но я порой на стенку лезла от одиночества и отсутствия даже того, кому можно пожаловаться.

Огромный и роскошный особняк со слугами, исполняющими любую прихоть, но не заменяющими родителей. Просторные настолько, что казались пустыми, коридоры. Лестницы, архитектор которых пожертвовал удобством в угоду величественности. Это был подлинный образец пышности, торжественности и древности благородного рода ди Гранелей, подтверждение их незыблемости – они всегда были и всегда будут, даже если государство падёт. Какое обманчивое впечатление, если учесть, что все они погибли, а сама Ишка выжила лишь чудом. Воспитанная как принцесса, но

не просто жеманная красавица на балу, а та, кто поднимет знамя и пойдёт в бой первой – Ишка привыкла и стала стремиться лишь к одному – оправдать возложенные на неё как на единственную наследницу ожидания. Теперь там всё принадлежало ей, но стало ещё тоскливее, если учесть, сколько погибли в том инциденте с философским камнем. Место буквально пропиталось смертью. Впрочем, весь Эсканолл был не лучше. Прорыв чудовищных сил камня разделил историю столицы на до и после, и хотя, казалось, всё событие заняло лишь несколько дней – последствия никогда не удастся устранить до конца. Даже когда раны города заживут – он станет другим. Слишком другим. Когда вырастет поколение без рухнувшего на них бремени травмы – их мир ничем не будет напоминать естественные для Ишки, Варатти, Старатоса, Ричарда и даже Его Величества реалии. И, если они доживут, то будут чувствовать себя лишними, словно попали без разрешения на чужую территорию.

– Я не твоя старшая наставница. Мы будем учить друг друга, – закончила свою мысль Ишка.

Как много она упустила, гонясь за тем, что казалось правильным, справедливым, рациональным, и пыталась превратиться в живое оружие? Да, способное на критическое мышление, самостоятельное, но всё же оружие – клинок, обязанный всегда попадать в выбранную им цель. Понадобилась встряска, чтобы она, Ишка, очнулась и посмотрела вокруг. Помимо чёрного и белого, помимо еле подъёмной горы дол-

гов и обязательств, ей предстоит узнать невероятно много. Не отвлекаться на второстепенные мелочи, не позволять себе показывать, что накопилось на душе, не рассказывать личное – вот кредо ди Гранелей, впечатанное в их сознание так же глубоко, как рабское клеймо, выжженное на коже. Нечто простое и очевидное – то, что она вправе делать всё, что не мешает и не вредит окружающим, – далось Ишке как настоящее открытие.

– Вряд ли я могу научить чему-то такую блестящую леди, как вы, – проворчал Ванни, и в его тон вновь просочились едкие, настороженные, ершистые нотки. Он вёл себя так, словно воспринял фразу Ишки как тонкое издевательство.

– О, ещё как можешь. Я слишком леди и недостаточно человек, – только и сказала она.

– Мы почти приехали, – как бы между прочим сказал Старатос прежде, чем Ванни успел возразить что-то ещё.

Напускной вид скучающего аристократа никого не обманул – его спутники отлично знали, как он рад вернуться в столицу, к спокойным исследованиям и всему привычному. Старатос мог месяцами вести себя как самоотверженный аскет, презирующий излишества и целиком сосредоточенный лишь на своей работе, но на самом деле он был тем ещё эстетом и гурманом. Ишка узнала об этом, когда однажды получила приглашение на званый обед в его резиденции. Правда, там оказалось слишком много незнакомых алхеев, она чувствовала себя неуютно и рано ушла. Но высшие си-

лы, сколько он потратил на такую иллюминацию, превращающую безлунную ночь в светлый день, на изысканнейшие, редкие в их холодном краю и с величайшей бережностью привезённые издалека блюда из зелени и морепродуктов, на пышные фейерверки! Даже если часть этого Старатос организовал благодаря способностям алхимика, еду из ничего не создашь, это Ишке рассказывал ещё Ричард.

Ванни нетерпеливо и любознательно высунулся из окна. Бледное солнце приклеилось к выцветшему небу, деревья, будто мёртвые стражи, выстроились по бокам дороги, а вдалеке вставали резкие очертания зданий города, подсвеченных разными огнями. Эсканолл вовсе не выглядел гостеприимным – наоборот, казалось, он сожрёт любого и не подавится.

– Вы уверены, что это место не плохое? – Ванни поёжился. – Красиво, но неприятно. Он как будто угрожает.

– Этот эффект создают слишком резкие и яркие краски, а также острые углы, – кивнул Старатос. – Но ты адаптируешься. Забирайся обратно и окно закрой. Простудишься.

Эсканолл потряс Ванни шумом, гамом и суетой. Для него всё здесь происходило слишком быстро, и в то же время он хорошо понимал, что, если не будет успевать – останется далеко позади, на обочине жизни. Ванни осознал, как мало он в действительности знал и умел, кичась этим дома... но среди множества выдающихся эх столицы, алхимиков, рыцарей,

дворян, художников, поэтов он почти ничего не представлял из себя. Все к чему-то стремились, шаг за шагом добивались результатов, а он даже не определился, чего от жизни хочет и о чём мечтает. Каждый из его спутников состоялся, завоевал себе имя, хорошее ли, дурное ли – неважно. Они уже не представители безымянной массы. И, как ни ощущалось это странным даже для него самого – Ванни боялся подвести и разочаровать леди Ишку, единственную, кто относилась к нему как к человеку и так бескорыстно приняла под крыло.

Всё двигалось, вращалось, поднималось и опускалось, каждый встречный невесть куда спешил, да так, словно с ним не могло произойти ничего хуже, чем опоздание хоть на какую-то жалкую минуту. Всё равно что попасть во власть течения бурной реки, которая потащит тебя за собой, наспрашивая, куда ты идёшь, зачем, и насколько торопишься. Если попытаешься плыть против общего направления – тебя затопчут и не заметят. Ванни никогда прежде не видел на одном участке улицы больше четырёх человек, и для его села это было настоящее столпотворение.

Войти в огромные резные ворота резиденции ди Гранелей принесло Ванни даже какое-то облегчение. Ему было интересно, тянуло всюду побывать и всё попробовать, однако, он стеснялся, давая себе отчёт, что со своими деревенскими замашками и отсутствием опыта непременно опозорится.

– В моём доме ты всегда получишь крови и пищу, ты можешь распоряжаться всеми его ресурсами, как если бы яв-

лялся моим младшим братом, – объясняла леди Ишка, проводя его по угнетающе помпезным коридорам особняка. – Но я не алхимичка поэтому, если ты намерен и дальше развиваться в этой области, Старатос представит тебя Акнлаву.

– Ты можешь задавать им любые вопросы, только не бойся, – добавил шедший рядом Старатос.

Быть членом семьи, почти наравне с хозяйкой... хотя леди Ишка сама разрешила, Ванни не чувствовал себя к этому готовым. Ему бы для начала хоть не дрожать, и чтобы язык не заплетался. А уж предстать перед могущественными властелинами и вовсе казалось Ванни невозможным, немислимым. Те, кому подчинялся даже такой человек, как Старатос, пугали мальчика до подгибающихся коленей. Возможно, ему и правда недоставало веры в себя, но откуда бы она взялась, если Ванни с раннего детства, сколько он себя помнил, смешивали с грязью и ни во что не ставили. Они не хотели слушать, не хотели понимать, не видели в нём личность, и Ванни, лёжа в слезах на полу своей комнаты, поклялся, что заставит их разделить с ним всё, что ему пришлось вынести по их вине. Он будет бить их до крови, ломать кости, жечь, калечить, пока они не расскаются. Ванни надоело умолять, надоело заглядывать в глаза – их очередь валяться у него в ногах и захлёбываться рыданиями.

Даже теперь, когда его забрали в Эсканолл и предоставили новый шанс найти себя в жизни, Ванни не был уверен, сожалеет ли об участи, что едва не погубила всех жителей его

деревни. В глубине души он всё ещё чувствовал, что правда на его стороне, а они получили по заслугам. Неудивительно – жизнь здесь, в столице, Ванни пока ещё не распробовал, а прежняя всё ещё слишком ярко стояла перед внутренним взором.

Вдобавок ко всему, Ванни боялся разбить или сломать один из этих бесчисленных больших и маленьких, хрустальных, фарфоровых, стеклянных предметов – зеркал, декоративных ваз, посуды, витражных окон и дверей. Он признавал, что леди Ишка ведёт себя как приятная хозяйка, она мягка и учтива с ним, и, кажется, намеревается всерьёз заботиться о нём как о члене семьи, но... останется ли она так же спокойна и отзывчива, если он испортит её драгоценное имущество, даже самая малая часть стоит гораздо дороже, чем Ванни весь. Если он останется здесь, ему придётся учиться обращаться со всеми этими сложными и странными вещами, но он не имеет ни малейшего представления об этом, и он непременно что-нибудь да повредит.

– Тебе любопытно, не так ли? Задавай любые вопросы, если чего-то не понимаешь, – улыбнулась Ишка, заметив, как он разглядывает всё вокруг.

– Я вообще ничего не понимаю! – жалобно признался Ванни.

– Хорошо, тогда начнём с твоей комнаты. В каких тонах ты предпочитаешь? Зелёную? Фиолетовую? Может, синюю? – благожелательно предложила Ишка.

Ванни замялся, непроизвольно начиная теревить рукав.

– Красную. Это мой любимый цвет. Только не ярко-красную, а бледную, – неуверенно сказал он.

– Да, тебе подойдёт, – хмыкнула Ишка. – Иди за мной, – она приглашающе махнула рукой и пошла вперёд.

Комната была просторной, с двумя вместительными платяными шкафами и тремя книжными. Кроме того, потолок украшала люстра в десяток свечей. Широкое, в три четверти стены, окно плотно закрывали толстые багровые занавеси.

– Если тебе здесь что-то не по вкусу, ты всегда можешь позвать слуг и распорядиться, чтобы они переделали. Не стесняйся, я хорошо им плачу именно за это, – объяснила Ишка.

Ванни понимал, что не воспользуется дарованной ему возможностью, потому что в глубине души ему казалось, что с ним самим нужно обращаться как с лакеем, он – безродный никто из провинции, и леди Ишка имела полное право поместить его в такую же каморку, в каких обычно, по его представлениям, должна проживать челядь. Ванни, правда, ничего не знал, кроме сказок да смутных слухов, что ходили в его родных краях о столичной знати. Он ощущал себя самозванцем, что забрался на чьё-то чужое место, и вот-вот его поймают, разоблачат и выставят на всеобщее обозрение как образец выдающегося позора и беспримерной наглости. И вполне заслуженно – чем он думал, соглашаясь на эту авантюру? Ванни поёжился, стараясь не выдать своей нервозности и напряжённости.

– Потом мы пойдём в лавку и подберём новую одежду, подходящую мальчику твоего возраста. А пока... Не знаю, как ты, а я проголодалась. Хочешь со мной? – Ишка всмотрелась в его худое лицо.

– Лично мне разрешите откланяться, – негромко сказал Старатос. – Неотложные дела ждут. Правда, я понимаю, что у вас может возникнуть потребность связаться со мной, поэтому разрешите преподнести вам небольшой подарок, леди Ишка.

Он снял со среднего пальца правой руки тяжёлое кольцо с печаткой и положил на стол с таким видом, будто выполнял казённую процедуру всего лишь потому, что так полагается. Ишка не хотела и думать, какая такая экстренная ситуация может потребовать его присутствие. Старатос был как тяжёлый таран или другое подобное оружие – инструмент, выручающий из безвыходного положения.

– Чётко назовите в него мои имя и фамилию, потом говорите. Я услышу – в любое время суток, – пояснил Старатос.

– Откуда мне знать, что ты не подслушаешь нас через этот милый маленький предмет? – хмыкнула Ишка.

– Если бы я собирался подслушивать – я бы сделал это менее очевидно, – почти обиделся Старатос – наверняка для того, чтобы свести всё в шутку. – Например, нанёс бы соответствующий символ в наименее заметном месте. В таком замке, как этот, возможностей полно. Хоть десятков или два – никаких проблем. Кроме того, я умею делать так, чтобы

они были видимы лишь мне, хотя это и немного хлопотно. Но я в самом деле не хочу, чтобы с вами со всеми здесь произошло нечто плохое. Вы ведь прекрасно понимаете, что в наше время нигде нет никаких гарантий безопасности, и я стремлюсь хотя бы повысить её шансы. Не отвергайте это, пожалуйста, – тон Старатоса смягчился.

Ишка молча взяла кольцо и надела на средний палец правой руки. Она ожидала, что оно будет велико ей, но нет – украшение само изменилось и подстроилось под нужный размер. После долгого общения с Ричардом такие фокусы не впечатляли и не удивляли Ишку, но, тем не менее, она с уважением и одобрением взглянула на Старатоса.

– Ну, вот и хорошо, а теперь я, с вашего позволения, пойду. Желаю вам хорошо отдохнуть, и заранее – приятного аппетита. Прошу, не зовите никого, чтобы меня проводили, я сам найду выход.

Старатос с непринуждённым изяществом поклонился и вышел из комнаты. Ишка вздохнула – видимо, ей просто пора привыкнуть ему доверять. Предсказать, кто ударит в спину, а кто нет, всё равно невозможно. Она полагалась на Ричарда как на себя, а он скрывал такое. Да и тот парнишка, Вагрус, Ричард принял его как родного в свой дом, а Вагрус предал и продал их ради совершенно неясной цели. Может быть, ему даже к этому дню свернули шею, как поступают со всеми обманщиками и прохвостами... Старатос, очевидно, не худший вариант, как бы ни хотелось Ишке отрицать это.

Душой ещё противилась, но уже поняла.

Глава 8

Свет в коридорах не горел, не было его и на узкой, предназначенной будто специально для того, чтобы свернуть на ней шею, лестнице. Камеры заключения выглядели мрачными молчаливыми склепами, вот-вот какой-нибудь мертвец, постанывая и шатаясь, вышагнет оттуда, протянет гниющие ладони. За холодными прутьями решёток бездонным провалом сияла тьма – если не знать, что камеры, по сути, довольно ограниченное пространство, так и подумаешь, что там пустота без конца и края. Место, не предназначенное для жизни, выпивающее её, словно она могла как-то заполнить его, исправить, согреть. Увы, но, казалось, всего света и тепла мира не хватило бы для этого. Королевские архитекторы были отнюдь не новичками, проектируя настолько изолированное от внешнего мира пространство. Даже воздух здесь казался ненастоящим, через него нельзя было воззвать к силам стихии. Та же разница, что между атмосферой в живом лесу – и в родовом склепе, переполненном мертвецами. Ледяные пальцы одиночества проникали в грудь, царапали сердце.

Ричард ничего не видел. Ему ничего и не было нужно. Он изолировал себя от мира по собственной воле и считал это насущной необходимостью, но теперь Ричарду всё отчётливее казалось, что он трусливо спрятался от последствий своих поступков и необходимости разобраться с ними. Он попросту переложил эту ношу на чужие плечи и упивался

проявленной им честностью и самопожертвованием. Разве не стремился Ричард к тому, чтобы ему стало легче? Лицемерно полагая, будто наказание искупает вину, а не усердный труд на благо пострадавших из-за него людей? Все нуждались в нём, а он сидел здесь и тратил время. Ричард знал, что о его помиловании ходатайствовали, и не раз, но отвергал все их попытки. Он был слишком глубоко ранен, перестал верить в себя. Чем меньше он показывается на людях, чем меньше делает и говорит, чем меньше решений принимает – тем выше гарантия, что он не причинит никому вреда и не помешает. Ричард опустился до состояния, когда абсолютно любой поступок кажется неверным, глупым, лишним. Но вправе ли он позволять себе роскошь бездействия? Его товарищи отстраивают город, защищают обывателей, реформируют общество вместе с Его Величеством, а он прозябает в безвестности.

– Ну, как, не надоело ещё сидеть взаперти?

Беззлобно-ироничный баритон прорезал тишину тюремного каземата. Кто-то стоял в коридоре снаружи. Кто-то очень знакомый Ричарду. Кто-то, с кем он бы и дальше предпочёл не встречаться, хотя и не вина этого человека была в том, что Ричард очутился здесь. Если уж на то пошло, Ричард уже давно не считал, что он хоть чем-то лучше него, но от привычки избавиться не так легко.

– Извини, что не зашёл раньше. Я лишь вчера вернулся в Эсканолл, – продолжал мужчина.

– Что ты здесь забыл, Старатос? – буркнул Ричард.

– Пришёл вытрясти из тебя всю дурь, конечно же.

– Как забавно, – Ричард поднялся с тонкого матраса на низкой железной кровати и подошёл к самым прутьям. – Ты последний, кто вправе читать мне нотации.

Хотя ему недавно выдали смену одежды и постельного белья, оно уже выглядело потасканным, несвежим, блёклым. В унылых тесных стенах и не могло задержаться что, кроме серости и скуки. Безысходность пропитывала каждый их камень.

– Кто-то же должен, сам ты не поумнеешь, – фыркнул Старатос.

Он упёр руки в бока, насмешливо и снисходительно глядя на своего несостоявшегося ученика как на совсем неразумного и неоперившегося желторотого птенца, который вдруг возомнил из себя лишнего и распушился почём зря.

– Слушай, ты не можешь позволить себе сидеть здесь и бездельничать в своё удовольствие. Там, снаружи, творятся великие дела. Ты, в конце концов, бросил свои исследования, а они нужны нам всем. Ну же, где твоя бывшая уверенность в себе?

– И к чему она привела? – не отреагировал на подначку Ричард.

– Это не значит, что нужно сидеть сиднем. Я тоже натворил немало, но, если я не буду действовать – никогда не искуплю это перед своими жертвами, – Старатос внезапно по-

серьезнел.

– Ты и так не искупишь. Их не вернёшь.

– Ты прав... Но что же, разве не стоит нам тогда постараться, чтобы не было новых? Я знаю, что тебя пугает, и почему тебя это пугает. Думаю, тут у нас много общего. И всё же остановиться, перестать пробовать, бросить всех и всё... нет, не по мне.

– Я им не нужен, – покачал головой Ричард.

– А тебе необходимо их одобрение, чтобы поступать как правильно? Ты же сам прекрасно знаешь, что просто упёрся рогом и застрял здесь, как в ловушке. Но не потому что твоя клетка заперта – куда надёжнее ты закрылся сам.

Ричард вздохнул. Да, он прекрасно видел, как потерялся, лишился прежней цели и до сих пор, сколько ни размышлял, так и не смог найти новую. Всё казалось не таким, как прежде, не отзывающимся при каждом поступке, который выглядел в его глазах обязательным и необходимым, тонким радостным звоном упрямо поющей струны понимания собственной правоты, но отравленным фальшью его былых ошибок. Прежде, стоило признаться, мир казался ему гораздо проще. Преисполненный смеси и чрезмерно захваленный, Ричард думал, что не бывает "тёмной" и испорченной алхимии, есть только люди, не умеющие её применять или направляющие во зло. Но он-то гений, он непременно разберётся и найдёт способ обратить её на благо других!.. Тьфу ты, аж вспомнить противно.

– Через два дня тебя отсюда выпустят. Я всё устрою. И возражения не принимаются, – заявил Старатос.

– Тебе заняться нечем? – Ричард поджал губы.

– А что, если так? – самодовольно ухмыльнулся Старатос.

Ну, конечно же. Этот, как обычно, ни в чём не видел препятствий. Было в подобном отношении нечто столь же прекрасное, сколь и возмутительное. Ричард даже немного завидовал ему – мысль о вреде другим живым существам по его вине парализовала, и он просто не мог заставить себя действовать. Все те незащитные люди, чью плоть и кости перемолол философский камень, что они думали и чувствовали в последние минуты жизни? Ричард буквально наяву слышал, как они проклинаят его, тянутся мёртвыми холодными руками, чтобы разорвать горло.

– Ты, может быть, думаешь, что бездеятельность тебя спасёт, успокоит и залечит раны. И это ошибка. Она сожрёт тебя. Твари, которых ты вскормишь из ложной совести и трусости, сожрут. Я знаю, о чём говорю, уж поверь.

Ричард изучающе взгляделся в него, словно впервые что-то заметил в этом прежде совсем не дружественном мужчине.

– Я дал тебе достаточно времени на размышления и саможаление. Но его у нас в запасе больше не осталось. Пришла пора вернуться. Покинуть убежище и посмотреть в глаза этим страхам... – Старатос прищурился и безжалостно закончил, – и не сломаться, если придётся снова перешагнуть через трупы. Хочешь быть хорошим? Увы, я не хороший, и

ты тоже, смиришься. В этом мире такая роскошь есть только у младенцев и безумцев.

Ричард понурился. О, да, Старатос был прав, но этим горьким угощением не насытишься. Как бы Ричард ни поступил, всё обернётся дурной стороной. Все его положительные намерения, кажется, обречены выворачиваться наизнанку, получать превратное толкование, выглядеть неприемлемыми. Всё будет и дальше выпадать из рук, происходить так, как он не предвидел. Но отсиживаться здесь ему, кажется, и правда больше не дадут. С тяжёлым сердцем Ричард просто вздохнул и смирился – медленно кивнул.

– Нет, этот пояс совсем не так застёгивается! И плащ ты надел изнанкой наружу!

– Извините...

Но Ишка вовсе не сердилась и не отчитывала. Она рассмеялась – так заразительно, что Ванни сам не заметил, как подхватил.

– У него обе стороны нарядно выглядят, и я не понял, как... – всё ещё хихикая, пояснил он.

– Ничего-ничего, ты обязательно разберёшься! Я в первые годы ни в этикете не смыслила, ни в моде. Да и сейчас не сказать, чтобы очень, просто меня долго и терпеливо учили – так долго, что я никак не могла вообще ничего не усвоить... Да расслабься ты, мы не на приём к королю идём, а пообедать в гостях у друга! Она тебе понравится, вот увидишь.

Судя по тому, как Ванни переминался с ноги на ногу – он вовсе не разделял её оптимистичного подхода. И, признать-ся, изумлялся, что вообще не всё равно. Разве должно его подобное заботить? Казалось бы, Ванни ещё недавно пытался её убить, посылая к демонам каждого на этом свете, но вот теперь ему небезразлично мнение о нём человека, которого он в глаза ещё не видел. Ванни сам бы не сказал, отчего ему так важно произвести хорошее впечатление. Наверно, потому что ему оказали гостеприимство, и Ванни впервые в жизни чувствовал себя уютно и хорошо, пусть некоторые вещи продолжали выглядеть для него запутанными и дикими.

Улица хлестнула им навстречу, в самые лица, подвывающим морозным ветром, и Ванни укутался плотнее. А вот Ишку, как ему показалось, ничего не беспокоило, она всё так же уверенно шла вперёд, прекрасно ориентируясь в замысловатых улицах города. Ему даже показалось, что она и есть зимний дух, одновременно хранящий эти края и не позволяющий им меняться. В его родной деревне верили в такое, и подобных божеств считали дикими и безжалостными, хохочущими в ночных выюгах, танцующими среди вечных снегов. И отчего-то мерещилось, что он, Ванни, сгинет, если отстанет и потеряет её из виду. Поэтому он поторапливался как мог, изо всех сил удерживаясь, чтобы малодушно не вцепиться Ишке в руку.

Широкие беломраморные ступени особняка леди Блэкуотер поднимались, кажется, выше роста Ванни, и он задрал

голову, чтобы увидеть изящную арку, окаймлявшую массивные ворота. Он тут же оробел – в таких чертогах место по меньшей мере принцессе, и тут он. Тут же почувствовал себя жалким оборванцем в грязной обуви, которая непременно оставит следы на роскошных полах. Леди Ишка дала ему прекрасные новые сапожки, стоившие больше, чем Ванни за всю жизнь денег видел... но всё равно ему мерещилось, будто с ним что-то не так.

На середине лестницы Ишка немного обогнала Ванни и кинулась навстречу эффектной брюнетке, вышедшей их встречать.

– Здравствуй, Беатриче!

Она всплеснула руками, как при каком-то радостном и долгожданном событии, хотя обнимать, как ожидал Ванни, не стала.

– Так вот оно, твоё перспективное приобретение, – Беатриче окинула Ванни придирчивым взглядом с головы до пят, и тот поёжился. – Алхимики, особенно мужчины, все проблемные. Уверена, что хочешь с ним связываться? Может, кто-то из Анклава его примет?

Кем возомнила себя эта госпожа, безусловно красивая и эффектная, но с жестокими искорками в глубине зрачков, которые Ванни прекрасно подметил? Он, конечно, понимал, что отнюдь не является важной птицей, но и распорядиться собой как собственностью не позволит.

– Не суди так поспешно и строго, пожалуйста, – Ванни

восхитился тем, как спокойно и твёрдо звучал голос леди Ишки при этом отказе.

– Дело, конечно же, твоё, прости, что вмешалась, – тут же пошла на попятную хозяйка. – Идёмте же, всё давно накрыто и готово, скоро остынет! Простите великодушно за такой скудный стол, но чем богаты – тем и рады, – светским тоном щебетала леди Беатриче.

Двери в огромную залу, богато украшенную всё тем же белым мрамором, жемчугом, фарфором и бриллиантами, стояли распахнутыми настежь, и паркет блестел в сиянии огромных люстр, преломляясь и отражаясь в бесчисленных гранях их хрустальных подвесок. Ванни не распахнул рот лишь потому, что это было бы крайне невоспитанно, и он вовремя спохватился. Он видел своё смутное отражение в полу и казался себе ещё меньше, чем был на самом деле. Стало вдруг совершенно непонятно, что он тут делает, что его дёрнуло согласиться на авантюру леди Ишки – ясно как божий день, что он неуместен здесь. Даже хуже – лишний, как пятое колесо или лошадь в бальном холле. Ванни верил – она знает, что делает, но в этот момент он крупно усомнился в здравомыслии своей патронессы. Удивительно, что госпожа Беатриче не выставила их обоих за наглость.

На столе красовалось пышущее жаром и подрумяненное до аппетитной корочки жаркое из неизвестной Ванни птицы, а на большом серебряном блюде возлежала внушительная рыбина. У него дыхание перехватило, а леди Беатриче

тут же самолично, не дожидаясь слуг, хотя это и было нарушением этикета, отрезала и водрузила ему на тарелку огромный ломоть. Ванни даже показалось в первый момент, что он осилит такое разве что за неделю. Но, едва он положил в рот первый кусочек – как обнаружил, что оно будто само собой тает.

Они уже доедали, и половину опустевших блюд унесли из зала, когда хозяйка эффектным театральным жестом извлекла толстую колоду карт с расписными рубашками. Было видно, что она ими часто пользуется – уголки чуть потрёпаны, да и в целом невозможно спутать предмет из обихода с тем, который извлекают на свет божий по особым поводам, вроде праздников или важных встреч.

– Хочешь, я погадаю тебе, малыш? – прекрасно пародировав тон тех загадочных и странных женщин, что подходят к незнакомым людям на рынках и ярмарках, предложила Беатриче.

Впрочем, почему "как"? Откуда Ванни было знать о её прошлом. И, конечно, даже если это так – он её не осудит.

– Я бы не хотел, чтобы вы хлопотали ради меня, – смущённо сказал Ванни.

Леди Беатриче рассмеялась, словно он удачно пошутил. Даже всегда спокойная Ишка улыбнулась.

– Ну, что ты! Мне только в радость, – хозяйка дома и впрямь выглядела воодушевлённой.

– Именно. Её хлебом не корми – дай кому-то состряпать

предсказание-другое, – подтвердила Ишка.

Карты ложились плавно, одна за другой, словно действие было намеренно растянуто во времени, чтобы подстегнуть любопытство и немного потомить. Леди Беатриче перевернула их, также в порядке строгой очереди, посмотрела на выложенный на столе, будто веер, пёстрый узор картинок и нахмурилась, чуть покусывая нижнюю губу. Сам Ванни узнал только две из них – солнце, стоящее в зените над деревней, и подвешенного за обе ноги вниз головой человека. Правда, он вовсе не разобрался, в каком порядке их нужно толковать и с какой стороны.

– В чём дело? – встревожилась Ишка.

– Видишь ли... – Беатриче перевела на неё не сулящий ничего доброго взгляд. – Все карты противоречат друг другу, фактически сводя любое значение на ноль. Я прежде никогда сама ни у кого такого не видела, но что это значит – мне известно. Моя наставница говорила, что этот уникальный случай значит – у человека и вовсе нет судьбы. Никакого будущего. Не за что зацепиться.

– Это предсказание смерти? – напряжённо спросила Ишка.

– О, нет. Здесь нет даже его. Это мальчик как пустая книга. Обложка есть, а страницы белые, – Беатриче потёрла переносицу.

– И что же это тогда значит? – прошептал Ванни. У него с горле пересохло, и, хотя он не собирался понижать голос,

так отчего-то получилось.

– Если бы я знала, мои дорогие...

Глава 9

– Ну, и зачем ты, Старатос, привёл его сюда?

Наставница Ганиш неодобрительно скрестила руки на груди. Судя по степени неодобрения на её лице, она бы предпочла, чтобы и сам Старатос тоже не показывался ей на глаза, потому что хорошего она от него давно и непоправимо не ждала. Старатос резонно опасался, что даже оправдательное постановление Его Величества не спасёт его жизнь, как только он столкнётся лицом к лицу со своей бывшей учительницей. Вспоминая, что за вздор он ей нёс в период своей одержимости реформацией мира, Старатос, конечно, не краснел, не такой он был личностью, но встретиться с ней взглядом заставить себя не мог. Сквозь землю провалиться хотелось, и хорошо бы в прямом смысле.

Огромное круглое помещение со звездчатым потолком парадоксально ярко освещалось мерцающими на стенах золотыми и серебряными символами. Мозаичный пол загадочно блестел и переливался, зачарованный навечно.

– Ради того, чтобы поделиться информацией. Я решил, что повторять одно и то же несколько раз не имеет смысла. Вы оба должны услышать о результатах нашей поездки.

Чем дальше Старатос рассказывал, тем мрачнее становилась наставница Ганиш, да и Ричард задумывался, и уж явно не о романтике или хорошей погоде.

– Почему вы не настояли, чтобы эта девушка поехала с вами? – строго, будто школьников отчитывала, спросила женщина.

– Мы сочли, что не имеем на это права, – осторожно пояснил Старатос.

– То есть, вы и впрямь поверили, что она там оказалась именно в это время просто так? И она отвлекла тебя от поисков алхимической гексаграммы вокруг деревни, я правильно поняла? – менторским тоном продолжала наставница Ганиш.

Вот так за несколько секунд можно ощутить себя школяром, который безнадёжно проштрафился и понятия не имеет, как выполнять работу над ошибками. Теперь Старатос и сам изумлялся, чем думал и как не обратил внимание на очевидные вещи.

– Это всё уже не имеет значения, раз мы нашли виновника... – начал было Старатос, но она оборвала его:

– Виновника? Этого мальчика? Не смей меня, пожалуйста. Вспомни, как долго ты сам разбирался с гексаграммами такой величины, сложности и могущества! А ведь ты – самый талантливый из моих студентов! Полуграмотный ребёнок из деревни каким-то неведомым чудом справился сам?

– Но...

Старатос робел в точности так же, как в годы обучения у неё, когда она заставляла его чертить одни и те же символы снова и снова, до тех пор, пока он не смог бы проснуться

среди ночи и по памяти, спросонок, начертить любой, ничего не перепутав.

– Никаких но! Вы должны были притащить её в Эсканолл любой ценой! – рявкнула Ганиш.

– А что, если она и впрямь всего лишь странница? В жизни и не такие совпадения бывают, – вставил слово сердобольный Ричард.

– У ребёнка есть способности, и немалые, – кивнул Старатос.

– Как будто не ты изобрёл знак передачи силы, через который подпитывал своих гомункулов и управлял ими, – фыркнула Ганиш. – Безответственно и нагло, но вполне действительно.

– У нас не было доказательств, – гнул своё Старатос.

– Вот и проверили бы. Я же не убить её предлагаю. Вы не развлекаться туда отправились, и не только как личности, но и как представители короля, исполнительная власть. Я потрясена вашей вопиющей безответственностью!

Она всегда была такая – формальная до сухости и требовательная. Впрочем, тут же, видимо, поняла, что бушевать поздновато, сразу успокоилась.

– Где мальчик? Приведите его ко мне. Будем работать с тем, что имеем, – тяжело вздохнула Ганиш.

– И не подумаем, пока вы не скажете, что собираетесь с ним делать, – отчеканил Ричард.

Ганиш воззрилась на него так, словно впервые увидела, и

зрелище ей совершенно не понравилось.

– Вы за кого меня принимаете? Мы всего лишь проверим его суть. Это безвредно для людей.

Ванни сидел в глубоком кресле, подняв ноги и обхватив колени. Он вновь не понимал, способен ли кто-то вроде него найти своё место в мире, предназначенное только ему, такое, где он наконец-то будет чувствовать себя уютно и в безопасности, а не бременем на чужой шее. Влиться в общество как часть, а не смотреть на всё со стороны, как отрезанный лоскут, который уже не прирастёт, как его ни подставляй на прежнее место. Ванни видел этих людей – словно позабыв о трагедии, со дня которой прошли всего-то месяцы, они смеялись, гуляли, работали и любили. Это была их столица, даже с закрытыми глазами они узнали бы любой её закуток. Они светились, как светятся привязанностью к месту проживания и к тому, чем занимаются. В деревне Ванни не доводилось видеть подобного выражения ни у кого.

Люди держались за руки, шутили друг другу, что-то напевали. Даже снежная буря не лишала их настроения надолго. Удивительный город, вот уж точно. Маленькие лавочки предлагали пышущую с пылу, с жару, свежую сдобу и горячие напитки – и всё это расхватывали, ахнуть не успеешь. По дороге обратно в особняк ди Гранелей леди Ишка подала несколько полновесных серебряных монет уличным музыкантам. Для Ванни это казалось непостижимым умом рас-

точительством, для неё – было чем-то естественным.

И вот теперь он сидел у камина, молчал и смотрел на весёлый огонь. На сердце у мальчика лежала тяжесть. Хотя он понимал, что всеобщая идиллия в городе ему, скорее всего, мерещится, и он принимает желаемое за действительное – в его нынешнем настроении он всё равно видел эту жизнь как недостижимый идеал. Его вели туда за руку, но он подспудно чувствовал, что не годится. И дело было не в том, что Ванни – провинциал в столице, многие переезжали и отлично приживались... он и город просто не соответствовали друг другу по духу.

Леди Ишка – нервная, напряжённая, как струна, ходила по комнате как маятник, вперёд-назад, вперёд-назад, опираясь локтем одной руки на другую, теребя губы большим пальцем. Ванни ещё никогда не видел её такой, и, хотя ему было невдомёк – почти никто из её знакомых не сталкивался с подобным зрелищем. Леди Ишка напоминала встревоженную волчицу, чующую приближение беды, но не имеющую ни малейшего понятия, откуда та придёт. Это могла оказаться волна, что снесёт глупого зверя, растерзает на мелкие кровавые ошмётки – и всё равно волчица готова была драться.

А Ванни понимал, что не заслуживает этого. Совсем-совсем-совсем.

– Вы правда думаете, что я стою хлопот? Я не милый маленький мальчик... я убийца. Чуть не стал им, и не стал благодаря вам.

– Стоишь, – отрезала леди Ишка. – Любая жизнь стоит, а я могу это сделать. Ты ещё не потерян, для тебя не всё кончено. Я их спасла и тем самым спасла тебя, и ещё раз спасу, не сомневайся.

Ванни смотрел на неё с каким-то одновременно суеверным и почти молитвенным восхищением. Она была то ли безумицей, то ли святой – на той самой грани, когда разницы никакой и нет. Благородное и лучезарное помешательство, то самое, в котором смертный бросает вызов богам, да любым высшим силам, как дуэльную перчатку в лицо, как знамя, когда он последний в своей армии, кто остался на ногах – и побеждает. Ишка была красива, о, как она была красива – бескрылый ангел, прозрачная в своей искренности, но прочнее алмаза и стали. Льдистые, как поверхность кристально чистого озера пресной воды, голубые глаза переполнены уверенностью. На губах нет улыбки, но всё равно с них срывались вдохновляющие слова.

– Я не сдамся, и тебе не позволю.

И тут зазвенел колокольчик с первого этажа, которым слуги ставили в известность – к ним пришли, и требуется личное присутствие госпожи. Леди Ишка направилась к дверям так стремительно, что длинная, ниже пояса, белокурая коса, переплетённая серебристой лентой, взметнулась за ней. Как будто женщина уже была уверена, что вот он и появился – её непримиримый враг. Затаив дыхание, Ванни кинулся было за ней, но она остановила его резким взмахом.

– Вы что здесь забыли?!

Старатос остался невозмутимым, а вот Ричард чуть не вжал голову в плечи, ведь для него окрик Ишки звучал как: "Ты что здесь забыл". Вот конкретно он, и никто иной. Он отец её будущего ребёнка – и всё равно никто. В этом доме, просторном и гостеприимном, ему не было места. Ричард нёс смерть, всегда нёс смерть, но осознал лишь теперь – Ишка же воплощала саму жизнь. Тем, как заступалась за слабых и не щадила себя, тем, как боролась за выживших во время катастрофы, когда сам он искал виноватого, чтобы сделать что? Правильно, убить. Только на такое Ричард и годен.

– Нам нужен мальчик. Кое-что проверить. Это безопасно, – мягко сказал Старатос.

– Проверить что? – процедила Ишка, щурясь.

– Если хочешь, можешь пойти с нами, убедишься, что вреда ему не причинят, – торопливо прибавил Ричард.

– Проверить что? – ещё холоднее переспросила Ишка. – Не считайте меня дурой, я знаю, что значит, когда избегают прямого ответа. Вы говорите, это не несёт в себе зла, так в чём же подвох?

– Одна из лидеров Анклава Алхимиков, леди Ганиш Эт-теруорд, выразила сомнение, что Ванни действительно является виновником происшествий в той деревне. У неё есть другой подозреваемый, и она хочет узнать, не связан ли Ванни с ним, – сказал Старатос.

Ишка переводила взгляд с одного на другого, бессильно злясь. Она видела неоспоримый резон в их словах, но в тот же момент и горячо не хотела позволять им забрать Ванни и снова окунуть его в Ад прошлого, вынудить переживать болезненные события заново. На их стороне были право и закон, на её – только мораль, так стоит ли ей отстаивать Ванни, если его страдания откроют путь к истине?.. О, ну, конечно, стоит, он же всё ещё ребёнок. Некому постоять за него, кроме Ишки, и ведь она же обещала. Да, против неё Старатос, которого в их единственном бою ей и поцарапать не удалось, и Ричард, чьи приёмы ей прекрасно известны – он сражался как сам дух стихий. Но это не повод сдаваться.

– Вы не пройдёте, – рыкнула Ишка.

Глупо. Наивно. Безнадёжно. Но единственно возможно для неё.

– Ты серьёзно? – Ричард не поверил своим глазам.

А зря. Первый удар Ишка нанесла ему – ногой с разворота. Ричарда отшвырнуло назад, он пролетел над лестницей, ведущей ко входу в особняк, и шмякнулся оземь. С раскрытой ладони молодой женщины в глаза Старатосу плеснул ослепительный белый свет.

– Прекрати, тебе вредно так нервничать, – увещевающе попросил Старатос, отшатываясь назад и закрываясь рукавом.

С пальцев его второй ладони сорвалось несколько пламенных искр. Маленькими, будто мошकारа, полыхающими точ-

ками они метнулись к Ишке. Он сдерживался, и это сердило. Ишка не нуждалась в его жалости и снисхождении, и дело было не только в беременности, Старатос в любом случае пытался бы щадить её вот так.

Духовный щит из чистой энергии погасил искры, женщина опасно прищурилась, будто тигрица, готовая прыгнуть.

– Вы не войдёте в мой дом. Я не даю вам разрешение. Ваш Анклав не истина в последней инстанции.

Ричард сидел на мёрзлой земле, держась за голову и за грудь. Ему было досадно, он предпочёл бы встретиться с Ишкой впервые после выхода из тюрьмы в совсем иных условиях.

– Представляешь ли ты, сколько людей пострадает если леди Ганиш окажется права? – снова воззвал к Ишке Старатос. – В том числе и детей, таких же, как Ванни.

– В отличие от него, они не под моей опекой, – непреклонно возразила она.

– Итак, ты ставишь ценность одного над многими, исходя из личной склонности? – Старатос попытался набросить на неё полупрозрачную сеть вроде паутиной, но Ишка попросту испепелила её.

– Нет, я настаиваю на ценности каждого, начиная с тех, кто рядом со мной, и до кого моя защита может дотянуться. Я не доверяю вашим хвалёным ритуалам, и вы оба уже натворили бед по вине самоуверенности, которая диктовала вам, что вы идёте в нужном направлении. А на самом деле

вы принимали отражение луны за саму луну. Поразмыслите же, нет ли других вариантов?

Тонкие, как струны арфы, серебряные лучи-стрелы слетали с ладоней Ишки, метя Старатосу в лицо, плечи, торс. Он отбивал их взмахами, создавая на секунду стихийную преграду – то алую огненную, то голубую водяную, то вихрящую белую воздушную. Ага, уже воспринял её всерьёз и экономил силы.

– Ничего не случится! Пожалуйста, расслабься! Мы со Старатосом два круглых дурня, я согласен, но Анклав – не сборище любителей, ты можешь на них положиться! – взмолился Ричард.

И это он-то, всегда державшийся независимо от центральной организации алхимиков, вдруг пустился их отстаивать. Сюрприз, но не слишком-то и большой. Ричард держался наособицу и присягал на верность только самому королю, но Анклав всегда восхищал его, что Ишка прекрасно помнила.

– Но допустим, только допустим, они ошибутся. Чуть-чуть. Это не обрушит город и даже не разнесёт здание... Только убьёт одного мальчика. Не повезло, в экспериментах и не такое бывает, – слова Ишки сочли иронией. – Ты, Ричард, обратился к тёмной алхимии, возомнив, будто со злом можно бороться только другим злом, и надеясь, что спасение товарищей и всей страны искупит твоё прегрешение. Ты, Старатос, свёл в могилу немало людей, думая, что малые жертвы допустимы во имя большего блага. И оба вы

пришли в ужас от содеянного и покаялись. Так почему же вы теперь наступаете на тот же капкан? Или вы попросту лицемеры, которым нравится чувствовать свою власть, статус, право решать, как и с кем поступать? Милосердие, чуткость, внимание к деталям и уважение к жизни начинаются не с города, не с посёлка и даже не с десяти человек. Дело в каждом – взрослом и ребёнке, мужчине и женщине.

Мужчины пристыженно переглянулись. Старатос прекратил попытки нападать на Ишку, он примирительно вскинул обе ладони в известном по всему миру без пояснений жесте незащитности и сдачи. Было отчётливо заметно, что Ишка по-настоящему глубоко задела его за живое.

– Подождите!

Ишка вздрогнула и обернулась. Ванни бежал к выходу. Вот он кинулся из дверей, проскочил мимо неё, спустился по ступенькам.

– У меня ведь есть право голоса, так? Я могу решать за себя?

– Да, конечно, – кивнула Ишка, уже почуяв, к чему он клонит.

– Тогда я иду. От меня никогда не было никакой пользы, и я сделал плохо тем, кому обязан рождением. Тем, кто и так едва сводил концы с концами. Может быть, теперь у меня наконец получится дать другим что-то хорошее, – торопливо и сбивчиво объяснил мальчик.

– Но ведь ты... ты можешь не вернуться, – вполголоса

проговорила Ишка.

– Я понимаю. И солгу, сказав, что мне не страшно. А что, если у меня не будет другого шанса проявить себя? Что, если моя жертва поможет?

– Не будет никакой жертвы! – пылко воскликнул Ричард.

– Тогда я точно готов и хочу.

Ишка опустила было взгляд, но тут же устыдилась своего малодушия. Ванни вёл себя как герой в этой удивительной простоте. И она снова взглянула на него – с гордостью, показывая, что всегда поддержит его и примет любой выбор. Ванни боялся, в нём боролись множество сомнений, но только глупец или безумец вели бы себя иначе на его месте. Он справлялся с обуревавшими его эмоциями и не шёл на попятный – это главное.

Глава 10

Ванни не мог взять в толк, как обычные люди, даже с какими-то особыми способностями, могли соорудить настолько высокое здание с такими просторными залами и уносящимися на головокружительно недостижимую высоту потолками. Казалось, те уходят прямо куда-то в небеса. Ванни таращился на искусную лепнину и прекрасные, хотя и загадочные мозаичные картины на полу и стенах, на роспись, покрывающую своды у него над головой, на алхимиков, совсем не обращающих на него внимание, занятых книгами и свитками, непонятными ему тренировками друг с другом или беседами. На его вкус, всё это выглядело слишком торжественно

и высокопарно, но кто он такой, чтобы осуждать... Вспомнив о своём более чем низком статусе здесь, Ванни чуть не сжался, и подбодрило его лишь то, что Старатос положил ему ладонь на плечо. Этого человека, казалось, и вовсе ничего не способно было пробрать. Хотя тот ведь много лет учился и работал здесь, с чего бы ему тушеваться или колебаться. Алхимики Анклава казались Ванни небожителями, совершающими загадочные священнодействия, но почему-то отнести Старатоса к их числу не получалось, и уж подавно диким казалось представить себя в их числе, как бы ему ни сулили, что это будет возможным, как только он отучится. Допустить, что сюда мог иметь доступ абсолютно любой, даже такой никчемный оборванец, как он, Ванни, чудилось ему худшим кощунством в мире. Ему слишком нравилось думать, что у алхимиков нет никаких нормальных для простых смертных слабостей, что они выше остального человечества, потому что принимают решения, определяющие судьбу целой страны. Они обязаны чем-то отличаться, иначе... иначе как им доверять? Люди слабы, подвержены соблазнам и страстям, как любил повторять отец Ванни, а мать всячески поддакивала.

Ванни было душно там. Стены давили на него, а сварливые голоса родителей ввинчивались в виски, наполняли тупой ноющей болью. Ванни прятался по углам или в какие-нибудь закутки, чтобы про него подольше не вспоминали. На полу в большой комнате валялись пузатые зелёные бутыл-

ки и пахло разлитым спиртным, очень дешёвым, из самого простого, что попало под руку. Ванни тошнило при одной мысли, что такое можно пить, но некоторые в деревне могли. И его родители, увы, тоже.

– Тебя лишь проверят на след чужой алхимии и зададут несколько вопросов, – сказал Старатос.

По пути сюда они предпочитали игнорировать эту тему. Ванни знал ровно так много, сколько подслушал в разговоре-ссоре. Старатос определённо не был рад рвению Ванни, Ишка разбередила его старую, едва начавшую заживать рану на душе, и он перестал чувствовать, что выполняет важное и нужное, а, главное, единственно допустимое поручение. Обвинить ли Анклав в том, что он – махина, подминающая чужие жизни? Лицемерны ли его товарищи и учителя? Или Старатос всё ещё слеп и принимает миражи за истину? Государству требовались лидеры, аристократия, избранные, способные первыми прокладывать путь для других, указывать направление, но горе, когда сами они сбились с направления и шагают к пропасти. Титул – это ответственность, а официальное звание алхимика тоже было титулом, и не из последних. И Старатос с болью смотрел на небезупречность Анклава. Как же получится иронично, если на них с Ричардом, двоих отверженных, ляжет долг остановить разогнавшуюся колесницу смерти, в которую превратилась эта гордая, чересчур гордая, организация.

– Вы так напряжены, словно думаете, что обратно нам

придётся прорываться с боем, – заметив это, Ванни ощутил липкий холодок вдоль позвоночника.

Старатос промолчал, но мальчик понял – старший друг вовсе не исключает этого. Ванни усомнился, ведь алхимики, чистые, опрятные, с мудрыми лицами, занятые десятками самых разных, но явно увлекательных и восхитительно сложных дел, которые мальчик прежде даже не вообразил бы себе, и никак не мог угадать их назначение и суть... они не вязались с его представлениями о дурном, жестоком и порочном.

Наставница Ганиш сдержанным шагом матроны вышла им навстречу из резного арочного прохода, ведущего в длинную анфиладу. Она кивнула Старатосу, проигнорировала Ричарда и улыбнулась Ванни. Что-то было доверительное и убеждающее в этой улыбке. Ванни поймал себя на том, что его тревога улеглась. Из рук такой женщины не может исходить никакая беда.

– Значит, вот каков ты, наш герой, – шутливо проговорила Ганиш. – Не переживай, проверка не займёт много времени, уже к вечеру ты вернёшься домой.

Домой... Ванни поймал себя на том, что и впрямь способен назвать особняк ди Гранелей домом. Дом – не место происхождения, это безопасность и уют, то, к чему лежит душа, то, где тебя ждут. Благодаря тому, что леди Ишка приняла его, Ванни впервые ощутил себя нужным, а не лишним ртом, обузой и мусором, занимающим пространство. К нему никто

никогда не прикасался так, как она – безо всякой особенной причины, не для удара, и не чтобы он успокоился и послушнее выполнил следующий приказ. С ней ему не приходилось стараться быть как можно меньше, тише, незаметнее, и он не чувствовал, что каждый съеденный кусок хлеба вменяют ему в долг, и долг этот придётся отработать сторицей. Ванни стало интересно жить, он ожидал будущего как сюрприза и множества возможностей.

– А что именно вы пытаетесь найти? – шагая рядом с леди Ганиш, спросил он так свободно, словно разговаривал с подружкой-ровесницей на дворе, разве что обращение более вежливое и осторожное.

Показная беззаботность, конечно же. Всё внутри продолжало кричать об опасности и метаться, не находя ни малейшего облегчения ни в чём, даже в уверениях окружающих, что они искренне желают ему лишь добра.

– Того, кто выставил тебя виноватым в том инциденте, – без обиняков ответила женщина. – Извини, но я не верю, что ты сам по себе дошёл до того срыва. Алхимия, которую ты применял... это уровень высших адептов. Новичок даже на пике эмоций не справился бы с таким. Кому-то было выгодно, чтобы дело посчитали закрытым, когда забрали тебя.

– Но я просто нашёл в себе эту силу. Она вдруг начала плескаться во мне, и осталось лишь излить её. Сначала я пробовал понемногу, но потом решил, что мне незачем сдерживаться.

– Как раз это и подозрительно. Просто нашёл – не объяснение, – пояснила Ганиш. – Всё это напоминает мне управление на расстоянии. Кто-то тщательно спланировал эксперимент. Тот, кто знал, что расследовать придут люди из столицы, и заранее приготовил себе маску. Ты сыграл роль этой маски.

– Но почему вы решили, что истинная преступница – та девушка? – спросил Старатос.

– Очевидно ведь. Она держала руку на пульсе происходящего. Явилась убедиться, что её ловушка захлопнется как надо. А вы и проглотили её крючок. Представляю, как она веселилась.

Ванни поёжился. Осознавать, что из тебя сделали слепую марионетку, неприятно, однако, это лишь прибавило ему рвения докопаться до правды.

Ганиш завела Ванни в комнату, похожую на личный кабинет. Письменный стол чёрного дерева, кресло, несколько книжных шкафов, забитых до отказа, и чертежи на стенах. Похожие были на картинах в коридоре, ведущем в лабораторию Старатоса, но в сравнении с этими его изображения были примитивными, как сочинение первогодка против эссе выпускника школы. За столом занимался ассистент и помощник наставницы, он морщил лоб, вникая в столбцы разноцветной вязи символов на странице древнего трактата.

Жестом приказав всем остальным, включая этого юношу, моментально вскочившего при виде госпожи, отступить к

стене и тем расчистить ей место, Ганиш поставила Ванни в центре, где на каменном полу была выбита неизвестная ни Старатосу, ни Ричарду гексаграмма. Старатос бывал здесь во времена ученичества, но заметил её только теперь – прежде считая лишь частью общего орнамента. Он не узнавал ни одной черты в ней, и, вероятно, потому и не распознал как основу для алхимического ритуала.

А, судя по приготовлениям Ганиш, именно ритуал им предстояло провести. Степень её сосредоточенности, слишком серьёзная и мрачная, и застывшая на лице маска пугали – Ганиш словно обнаружила маячивший перед ней страшный призрак из прошлого, тянущийся костлявыми пальцами, напоминающий то ли о долге, то ли о грехе. Женщина словно бы намеревалась раз и навсегда покончить с неким давним и непримиримым врагом, ненавистным до каждой клеточки тела, до каждой капли крови и струнки души.

И Старатос понял. Алхимия выдавала даже надёжнее, чем походка или почерк. Не иначе как Ганиш сообразила, с кем они имеют дело, и столкновение с этой личностью у неё отнюдь не первое.

Ванни стоял с закрытыми глазами. Его щуплая фигурка казалась неуместно в таких обстоятельствах, и внезапно Старатоса прохватила жалость, а ещё – то самое интуитивное ощущение вопиющей неправильности, о котором говорила Ишка. Они щедро добавляли горького питья в чашу страдавший этого бедного дитя, и с них непременно спросят, когда

эта чаша переполнится. Искренне веря, что хотят как лучше, они всё равно что использовали его как разменную монету для решения своих проблем.

Бледный зеленоватый свет побежал по тонким желобкам гексаграммы, сходясь к центру, в одной точке, наполняя Ванни снизу вверх. Зрелище потустороннее, а сама процедура отдавала чем-то зловещим, угрожающим. Они словно приносили жертву сверхъестественным даже по их, постоянно взаимодействующих с невозможным, меркам силам.

Старатос вдруг моргнул, тихо ахнул и бросился вперёд. До него вдруг дошло, что растворение мальчика в этом пожирающем саму жизнь сиянии не мерещится, и это не естественный зрительный эффект, который скоро пройдёт – тот и впрямь исчезает, тает на глазах. Увы, Старатос не успел. Его пальцы сомкнулись на пустоте. Только холодком немного проняло руку от кисти до локтя.

– Так не должно было случиться! – нарушив гробовую тишину первой, поражённо воскликнула Ганиш.

От Ванни не осталось ничего. Ни крови, ни клочка одежды, ни упавшего волоска. Он так и не вскрикнул, не заплакал, не попытался вырваться и сбежать, даже не шевельнулся. Пропал тихо и мирно, как если бы так и полагалось.

В огромной овальной призме, висящей над столом, клубился тусклый серый туман. Ганиш всматривалась в его недра с жадностью высматривающего добычу коршуна. Если

приглядеться, можно было понять, что туман движется не просто так – он полз навстречу, как если бы сквозь него медленно пробирались.

Ганиш редко опускалась до чувства ложной вины. Именно ложной – она тщательно приготовила обряд и точно знала, что выполнила всё верно. И никто не мешал ей извне, она бы почувствовала даже самое аккуратное вторжение. Следовательно, ритуал сработал как надо. Выявил суть Ванни, и оказалось в ней что-то такое, что и вынудило его раствориться в воздухе. Такое происходило с магическими и алхимическими иллюзиями, но не с живыми созданиями – никак, ритуал развеивал только фальшивые образы, совершенно не влияя на плоть.

Ганиш не могла стерпеть такую пощёчину, и отныне была почти уверена, что распознала настоящего автора трагедии в том посёлке. Она помнила этот стиль, и её мороз по коже продрал от мысли, что придётся вскрыть собственный застарелый шрам на самолюбии, а заодно всколыхнулась ненависть. Когда тебя предаёт кто-то, кого ты ценила дороже, чем родную сестру, когда вы разошлись, взаимно нажав друг другу всякого, и при этом сила осталась не на твоей стороне – разум никогда не избавится от такой саднящей занозы, он будет прокручивать болезненные моменты снова и снова. Ганиш не хотела смотреть на ту девочку, которой была в те годы – плачущей в подушку, отчаянно завидующей, не понимающей, за что та, без кого она не мыслила жизни, исполь-

зует любой случай, чтобы подчеркнуть за её счёт своё превосходство. И ведь правда была блестящей, во всех начинаниях передовой, тут лишь восхищаться и остаётся. Лгут или не разбираются в теме все, кто заявляет, будто талантливые и успешные так себя не ведут. Здесь выдающийся алхимический дар сочетался с предельным высокомерием.

Ганиш вошла в правящий стержень Анклава, стала наставницей, доказала всем, на что способна, но та девочка, мучительно переживающая выходки самой близкой подруги, в ней пробудилась настолько легко, словно только и ожидала своего часа. Травма не исцелилась, безобразный шрам на душе и разуме Ганиш распахнулся.

– Ты звала меня? – усмехнулось, проступая из тумана, знакомое лицо.

О, это мастерство парой обыкновенных слов как пощёчину вlepить. Ганиш помнила. Её тело поневоле вздрогнуло.

– Что ты натворила? – с нажимом спросила она.

– Всего-то прибрала своё, не о чем шум поднимать, – с откровенной скукой отозвалась её злейшая напасть.

– Что ты имеешь в виду? – не остановилась Ганиш.

– А ты так и не смекнула? Не можешь отличить, человек перед тобой или нет? Я ожидала, что без меня ты опустишься и растеряешь даже те крупницы навыков, что у тебя были... но не предполагала, до какой степени ты стала неумехой. Вы все выеденного яйца там не стоите, если для вас не было очевидно, кто он такой и как создан.

– Но зачем? – недоумевала Ганиш. – Это же высшая алхимия. Ради чего такие траты энергии и ресурсов?

– Траты для вас, – поправила неизвестная. – Для меня – крохи. Я хотела выиграть себе немного времени, и вовсе не предполагала, что это обернётся в мою пользу так идеально.

– Насколько ты жестокая и беспринципная сволочь? – холодно процедила Ганиш. У неё аж желваки заходили от гнева.

– Ха. Я всего лишь рациональна. Хочешь честно, детка? Ты стала бы равной мне, достань у тебя дерзости протянуть руку и схватить, что причитается по праву особенного рождения. Простонародье нам в подмётки не годится, и меня всегда раздражало и оскорбляло, что ты не замечаешь этого и разговариваешь с ними так, будто они нам чета... Ну, да теперь уже поздно тебе навёрстывать упущенное, ты безнадёжно отстала.

– Превратиться в такую же дрянь, как ты? – не поверила своим ушам Ганиш.

– Нет, подняться до верховного существа. Творить и изменять мир, подобно богам. Нырнуть в глубины нашего тайного искусства и принять ту истину, что оно бездонно. Я попробовала, и мне удалось. А ты осталась внизу, пресмыкаться вместе со всяким отребьем. Как же мне стыдно за тебя, ты бы знала...

– А мне – за тебя! – рывкнула Ганиш.

– Это твои проблемы. Знаешь, я, пожалуй, приду и заберу

Анклав себе, нет терпения моего смотреть, как неудачники превращают его в посмешище и балаган. А потом я, может быть, даже коронуюсь. Ваш король такая же пустышка, как вы.

Рассмеявшись, та оборвала связь, оставив Ганиш бессильно кипеть и сжимать кулаки. Тварь уже вела себя как правительница. Ганиш и прежде знала, что амбиции у той непомерные, и всё же её поразили тон прежней подруги. Ни капли сомнения, что ей всё удастся. Ни тени неуверенности в себе. Треклятая ведьма являлась центром её персонального мира, воспринимая всех остальных без исключения как декорации, эффектно подчёркивающие её великолепие. Больше проку в других живых существах она не видела.

Глава 11

В зеркале, преобразованном из кристально чистой пресной воды, налитой в огромное овальное блюдо, город лежал как на ладони. Родина не вызывала у Глэдии ни восторга, ни каких-то ностальгических чувств. Впрочем, и какого-то особенного негатива она тоже не чувствовала. Эсканолл просто стал для неё чужим, и уже много лет они совершенно не знали друг друга, да и не стремились узнать. Глэдия провела вне родины много лет, но пресловутая тоска по дому так и не пришла. Не соскучилась по людям, сливающимся для неё в безликие толпы. Люди, стремящиеся ускользнуть от своего прошлого, люди, мчащиеся во весь опор навстречу грядущему – не замечающие, как топчутся на месте.

Получив воспоминания Ванни, Глэдия поймала себя на том, что утратила детское идиллическое восприятие мира. Он был обворожён и увлечён столичной жизнью и тянулся к её обитателям, даже если не верил, что может по-настоящему к ним примкнуть. Глэдия покинула город спустя несколько недель после того, как ей показалось, что она окончательно прозрела и разочаровалась.

Серебряное блюдо предназначалось специально для таких наблюдений. Рунная вязь, покрывающая его, усиливала призыв и делала очертания всего, что отображалось внутри, чётче. Глэдия видела всё до мельчайших подробностей – морщинки в углах глаз пешеходов и складочки на одежде, царапины на оконных рамах, следы на снегу. Изображение в чаше не отставало от реального времени ни на секунду. Она могла приблизить или отдалить любой элемент панорамы, могла выбрать ничего не подозревающую жертву. Забрать всё, чем эти люди жили, чем дышали, и чем совершенно не умели распорядиться, прожигая время и силы впустую. Глэдия не откажется от того, к чему шла всю жизнь. Сияет тот, в ком есть огонь дерзновения. Творческая искра, что разгорится и преобразует мир. Никто доселе не замахивался так широко, а зря.

Ганиш, однако, как была, так и осталась дурой, набитой никому не нужными принципами. Власть приплыла ей в руки, но эта бесталанность ничего не извлекла из подарка судьбы. Она, кажется, и впрямь хлопотала о других, трудилась на

благо жвачной толпы, а ведь могла бы взять всё, что угодно, и раздавить несогласных. Слишком малодушная и вялая, чтобы бросить вызов устоям и пошатнуть традиции, слишком слабая, чтобы вступить в борьбу за первенство над миром. Но ведь не имело смысла рождаться алхимиками, если это не делает их абсолютной истиной.

Но Глэдия щедра и снисходительна, и, пожалуй, побережёт для бывшей подруги по старой памяти место прислужницы. Ей, в конце концов, не подобает всё делать самой, а брать абы кого неразумно. Ганиш всё равно возвысится – Глэдия покажет ей, что это такое... и одновременно даст понять, что на вершину ей никогда не взойти.

Лёгким прикосновением изящного тонкого пальца к мерцающей поверхности воды Глэдия установила точку перехода – и тут же материализовалась в центральном зале дворца Анклава. Она всей кожей ощущала биение сердца этой восхитительной машины. Сложная конструкция, названная дворцом, представляла собой неизмеримо больше, чем здание. Здесь находилось пересечение измерений и стихийных потоков. Дворец при должном использовании его ресурсов хранил доступ к прошлому и будущему, к изнанке реальности и ко всем её несбывшимся вариантам. Глэдия зачарованно следила за проносящимися в её сознании образами, нащёптанными этой великой сущностью. Ей не было понятно, почему остальные алхимики так слепы и глухи.

Кстати, о них. Созерцать и анализировать Глэдия продол-

жит, когда одержит победу. Её коллеги вот-вот ворвутся, и надо приготовиться.

Пламя сорвалось с обеих рук Ричарда, и в него тут же вплелись со стороны тёмно-фиолетовые нити, добавленные Старатосом. Атака беспрепятственно ударила по женщине в зале – и её фигура разлетелась на мелкие осколки. Они столкнулись не с настоящей Глэдией, а лишь с её стеклянной копией, заменившей её в последний момент.

Выходя из стены справа, невредимая Глэдия расхохоталась, как если бы речь шла об удачном розыгрыше, а не о схватке, которая сулила завершиться гибелью одной из сторон.

– Ты посылала к нам энергетических созданий, – Старатос скрестил руки на груди.

– Да, это я. Долго же вы, однако, не могли догадаться, – алхимичка изогнула губы в саркастичной улыбке.

Старатос смотрел на неё, скорее, задумчиво, чем возмущённо. Когда-то и ему удалось сделать то же самое, но он использовал извлечённый из тех деревенских жителей экстракт эмоций для того, чтобы создать своего двойника, а всё, что осталось, распределил между гомункулами. Даже алхимия не позволяет извлечь что-то совершенно из ничего, лишь берёт сырьё и преобразует. Они были бы лишь не способными испытать ни радости, ни горя, ни злости полумозговыми оболочками, не отыщи Старатос, чем их наполнить.

Эта же ведьма создала концентрат эмоций в чистом виде и выпустила в мир. Как неудавшееся варево выплеснула.

– Вы сунули нос в мои дела, и я вас наказала за это. Но, кажется, вы совсем ничего не поняли, – продолжала Глэдия. – И ты, Старатос Хилл, из всех людей мира не смог распознать гомункула прямо у тебя под носом!

– Он был так похож на обычного человека... – покачал головой Старатос.

– Конечно, ведь я создала его не только из ненужного сырья. В нём также была частичка меня самой. Вы заметили, что в этом облике я гораздо выше ростом и шире а плечах, да и... – она небрежно указала на свой бюст, – это у той бедной девочки, которая вертелась вокруг вас, не отличалось ничем выдающимся. Тебе ведь известны принципы алхимии, не так ли? Не только не может что-то появиться из ничего, но и исчезнуть в никуда – тоже. Таким образом, тот милый мальчик был всего лишь крохотной частичкой меня, так что не смейте говорить, что я не имела права распорядиться его судьбой.

– Не имела! – рявкнула Ишка, вышедшая из себя как никогда. – У него была своя личность!

– И что с того? Я сотворила его во всех смыслах – и забрала обратно, как только он стал бесполезен. Не учите меня морали, лицемеры. Каждый из вас натворил такое, за что вам предстоит краснеть до конца своих дней. Например, конкретно ты, Старатос Хилл, предатель Эсканолла, создавал гомкнкулов и делал из них своих рабов. Тебя не волновало,

какие они, что думают и чувствуют, пока выполняют приказы. Оттого и разница такая между твоими недолепленными калекками и моим шедевром. Он плоть от моей плоти, всё равно что моё дитя. Созидая жизнь, ты думал о вымышленных идеалах, призрачной великой цели. Ты смотрел сквозь свои творения, как не замечал даже родного сына. Не думай, что мне о нём не известно... Я же – любила. Я вложила в тело и разум Ванни все нежность и заботу, которые могла.

– И ты убила его! – сжал кулаки Ричард.

Гомункул или нет – для него было неважно. Он не делил никого на людей и псевдолюдей.

– Ну, что ты, конечно нет, всего-навсего поглотила. Он стал тем, чем являлся изначально. Его воспоминания, способности, желания, мечты – всё вернулось ко мне. Когда-то я сама питала их. Посмотреть мир. Научиться алхимии. Знакомиться с новыми интересными людьми. Я реализовала их для себя, но отпечатки остались, ведь я помню, как это было. Поэтому я и смогла подарить их ему. Вы меня обвиняете, но посмотрите на дело с другой стороны – без меня он бы не возник и вообще ничего не попробовал бы. Но, увы, никто не бессмертен под солнцем и луной – и бедняжка Ванни тоже.

– Но почему так вышло, что он помнил своих родителей, если, как ты заявляешь, их не существовало? – уточнил тоном любознательного учёного Старатос.

– Вложить в материю ложные воспоминания элементарно, – фыркнула Глэдия. – И я даже обработала пару селян,

чтобы вы не нашли подвоха, если бы решили пообщаться с его роднёй.

Они стояли перед ней полукольном, не отваживаясь что-то предпринять. Возможно, чувствовали текущую через неё силу, которую Глэдия черпала из этого места, воззвав к средоточию энергии. Жалкие и наивные существа, думающие, что им в этой жизни ещё что-то перепадёт, подбирающие верную стратегию – и отказывающиеся смириться с тем, что они уже проиграли.

– У всего есть цена. Он заплатил свою цену за ваше внимание, возможность дышать, видеть звёзды, попробовать пищу, коснуться снега. Что заставляет вас злиться?

– То, сколь многое он ещё не успел изведать – и теперь не сможет никогда, – ответил Ричард.

Хотя его точка зрения на большинство вещей не сходилась с мыслями людей, стоящих рядом с ним, он точно знал, что сейчас они солидарны. Именно поэтому они находились здесь, а не каждый там, где ему больше нравилось – Ишка в особняке, Старатос в лаборатории, Ганиш в библиотеке Анклава. Всех их вдохновлял одинаковый порыв, одна общая идея.

– Не забывайте, что именно вы решили сунуть досужие носы в его природу. Если бы вы не проверяли и просто приняли всё как есть, ваш ненаглядный Ванни жил бы сколь угодно долго. Он бы вырос, но никогда не постарел.

Глэдия смотрела на них с неприкрытой жалостью – такой,

какую позволяет себе сытый и довольный лорд перед оборванным голодным нищим, ничуть не сомневаясь, что ему подобного испытать никогда не суждено.

– Чем переживать из-за несуществующего мальчишки, которого я просто выдумала, позаботились бы лучше о себе. Или об этом месте, оно заслуживает большего. Как много вам о нём известно? Почему выбрали именно это место, например? Что спрятано в основе фундамента? Отчего выбрали такую высоту и форму строения? Всё здесь не случайно, но вам, я уверена, невдомёк. Особенно королю. Если бы он понимал, что у вас в руках, он бы забрал здание Анклава и превратил бы в свою резиденцию.

– О чём ты говоришь? – помотал головой Ричард. Ему казалось, что Глэдия попросту сбивает их с толку и отвлекает.

– Силовой узел. Средоточие стихий. Отсюда можно с невообразимой даже большинству алхимиков лёгкостью манипулировать любой из них. А внизу, у нас под ногами, лежит самый его центр, подобный спящему многие века вулкану. Вы во всех ваших исследованиях так и не коснулись его, и неудивительно – древние создатели запечатали великого древнего, насильно погрузили в бездеятельность. Они умели переплестать нити энергии куда лучше, чем мы, и всё равно боялись его. И очень зря вы остаётесь такими невеждами. Будь у вас контроль над ним – разрушительная волна философского камня не оставила бы на Эсканолле и царапины. Предтеча хранит город, и, если бы кто-то спустился

туда и направил его, мог бы преобразовать всю столицу. После того, как вы пренебрегли его безопасностью, вы, как и король, потеряли все права на него. Я справлюсь лучше.

Под её ногами покоился огромный великолепный левиафан, чудовище, на чьей спине мог бы держаться весь мир – как некая центральная точка сборки, рычаг, которым можно сдвинуть что угодно, повлиять на всё остальное в этом мире. Глэдия упивалась изумительным ощущением присутствия чего-то столь безграничного, застывшего вне времени и пространства, плавно текущим сквозь неё. Казалось, сила плещется в ней до краёв, застывает в кончиках пальцев, обволакивает сердце.

– Так что же толкает вас мешать мне? Замшелые клятвы слабому правителю? Химера фальшивого правосудия, снедающая ваш разум?

– В тебе нет ни капли королевской крови, – неуверенно промолвил Ричард.

– Ты жестока, – добавил Старатос.

– Самовлюблённая тварь, – завершила Ишка.

– Что же, значит, самое время освежить порядок вещей, очистить старую кровь, занимающую престол, заменить её новой. И я бы назвала свой подход не жестокостью, а здоровой рациональностью.

– Не жестока? Тогда скажи, с какой целью ты напала на деревню? – Старатос сделал шаг вперёд, словно намереваясь схватить её за плечи.

– Я думала, что именно ты из всех людей меня поймёшь. Увы, но мир устроен так, что, если мы стремимся достичь чего-то действительно крупного и важного, приходится идти на жертвы.

– Я ошибался, и лишь благодаря этим людям рядом со мной и трагедии, что случилась с Эсканоллом, я понял, насколько горько заблуждался и как много чудовищных преступлений натворил! – будто защищаясь, воскликнул Старатос.

– Нет. Ты просто трус и бесхребетный слабак, – беспощадно отрубил Глэдия. – Раз уж ты зашёл настолько далеко, тебе стоило двигаться тем же путём до конца и воплотить свои мечты в реальность. Что же, раз тебе не хватило ума и храбрости, это сделаю я.

– Не сделаешь, – прозвучал спокойный и даже вполне дружелюбный голос от входа в залу.

Все обернулись. Скрестив руки на груди и широко расставив ноги, облачённый в подбитую белоснежным мехом пышную ало-золотую мантию, в проёме возвышался Его Величество.

– Думать о благе изменчивого большинства или избранного меньшинства, без тени сомнения ставить опыты на людях или колебаться перед тем, чтобы поднять руку даже на худшего из преступников, потому что слишком не приемлешь насилия, даже в целях естественной самообороны – две стороны одной монеты, две крайности, которым нельзя давать

воли, если ты правитель. Всем нам сложно абстрагироваться от привязанностей и антипатий, мыслить беспристрастно, когда у нас есть личная заинтересованность в вопросе. Всем нам порой кажется, будто ни на кого нельзя положиться, даже тем, кто славится доверием к товарищам. И мы сбиваемся с верного направления, блуждая в потёмках, – всё так же флегматично и безмятежно продолжил король. – Продолжая сравнение с монетой – нужно, чтобы она всегда оставалась стоять на ребре, ни к чему не склоняясь. Суд над чем бы то ни было обязан всегда оставаться нелицеприятным.

– Нотации мне теперь читать вздумал? – рыкнула Глэдия, напоминая роскошную тигрицу. – Впрочем, хорошо, что ты сам заявился сюда. Мне не придётся тратить время на путь до дворца.

– Ты ведёшь себя как капризная девочка, не получающая прямо сию минуту всё, чего потребует. Это не лучшие качества для абсолютной властительницы, – без малейшей злости, но вполне строго сказал король.

– А ты разбаловал своих алхимиков, – возразила она. – До какого состояния ты довёл вверенный тебе город!

– Да, признаю, я несовершенен и грешен, как и совершенно любой человек, сколь высокий статус бы ни занимал, – с лёгкостью признал ничуть не задетый король. – Но я делаю всё, что могу, как и все, кого ты видишь здесь. Мы с тобой не враги, леди Глэдия. Мы можем продуктивно сотрудничать и вместе исправлять недостатки. Как свои, так и нашей столи-

цы.

– Ты не в том положении, чтобы ставить мне условия! – она подняла руку...

...и ничего не произошло. Глэдия осознала с обидной ясностью, что похожа на священника на амвоне или на актёра в театре, которые забыли слова, один – проповеди, второй – своей роли. Стоит с нелепо вздетой рукой, а на неё смотрят не иначе, как с жалостью.

Король обаятельно улыбнулся.

– Как раз-таки в том. Видишь ли... нынешняя венценосная семья не так просто главенствует в стране на протяжении стольких лет. Мало кому известно, что у нас, как и у многоуважаемого рода ди Гранелей, есть дар. В нашем присутствии нельзя использовать ни магию, ни алхимию. Хорошо ещё, что созданное до нашего прихода не перестаёт работать, иначе мы бы оказались в затруднительной ситуации. Кстати, так я и пережил инцидент с философским камнем, и все, кто находились около моего трона в тот день, тоже.

Глава 12

Ишка присутствовала на знаменательном событии, впервые за историю Анклава участвуя в совете алхимиков, не входя в их число. Впрочем, единственным исключением она не была. И, если Его Величество в своей столице был вхож всюду, где пожелает – маг Кватрон Хилл в число избранных не входил. Более того, колдовство в целом всё ещё было в Эсканолле под запретом, и он был жив лишь благодаря тому,

что пользовался благоволением короля. Не сопровождай тот Его Величество по личному приглашению – алхимики никогда бы, хоть под пытками и страхом смерти, не впустили его. И, разумеется, он, не будь дурак, замечал, как они косятся. Кватрон не сказал бы, что это сильно его волнует – всё равно в присутствии короля эти выскочки пальцем его не тронут. Наглости не хватит.

Куда большим парадоксом и иронией судьбы выглядело то, что Кватрон был здесь рядом с отцом. Его известили, что Старатос тоже приглашён, и Ишка, признаться, не сомневалась, что он избежит любого повода пересечься с человеком, которого ненавидел... но то ли прошло достаточно времени, чтобы эмоции улеглись, либо Кватрон поставил дело выше чувств. Он пришёл – и даже не выказывал ни малейшего негатива от того, что кресло Старатоса расположено сразу по правую руку от него.

Ишка в очередной раз подивилась тому, насколько оба непохожи, хотя и каждый отличался изысканной и нестандартной красотой. В ней не было ничего классического, и по отдельности каждая черта могла бы даже показаться уродливой, но в сочетании они оставляли неизгладимое впечатление.

Гигантский круглый стол с широким отверстием в центре. Дюжина зелёных, синих и красных вертикальных флагов, украшающих светлые стены. Куполообразный потолок. Стрельчатые витражные окна, цветная мозаика стёкол кото-

рых складывалась в алхимические символы. Помещение было буквально создано для того, чтобы поражать размахом и пленять воображение. И, вопреки сказкам о собраниях тайных сообществ, его заливал солнечный свет.

Ишке было крайне неудобно от того, что они всего лишь поместили Глэдию под стражу, заточив туда же, где прежде сидел Ричард, разве что в другую камеру. С другой стороны, Ишка никогда не выступила бы в роли человека, настаивающего на смертной казни. Она не судья и не тем более не палач. Ишка не ощущала себя достаточно чистой, чтобы выносить такие суждения о других. Те, кого она пыталась вычеркнуть из своей жизни, кого клеймила, будто преступников, оказались в чём-то благороднее и возвышеннее, чем она. Ишка запуталась и больше не могла определить, где чёрное, а где белое, даже в тех вещах, что прежде казались ей очевидными. Впрочем, Ишку вполне точно подмывало отправиться туда, выпросив позволение войти в камеру Глэдии, и вытрясти из мерзавки всю душу за то, как она поступила с Ванни. Увы, насилие к заключённым король отнюдь не одобрял. Обвинять его в мягкотелости и попустительстве не имело смысла, да, вдобавок, потянуло бы на оскорбление величества, пусть бы он и вряд ли привлёк её к ответственности.

Сутью сегодняшнего обсуждения, конечно же, было не это. Они рассуждали о том, как поступить с информацией Глэдии. Стоит ли им продолжать отрицать истину, или предпочтительнее всё же заглянуть туда, в разверзнувшуюся в их

святая святых молчаливую бездну. Некоторые пытались навещать Глэдию и спрашивать её, но она лишь ухмылялась да отшучивалась – весьма едко и колюче. Разумеется, у неё не было ни капли мотивации идти навстречу тем, кто заточил её, но, даже если она не солгала и обладала уникальными сведениями, Его Величество не был готов подписать приказ о её освобождении и распахнуть двери тюрьмы для такой тяжкой преступницы.

Быдо бы проще списать все её речи на горячечный бред сумасшедшей, но, если Глэдия пребывала в здравом уме и знала, о чём говорила – они, Анклав, проявили непростительное легкомыслие и невежество. И тогда кровь на их руках, ту, что пролил философский камень, ничем не оправдать и не смыть – они подвели горожан.

– Может, хватит уже нам настолько осторожничать? Наша пассивность начинает казаться издевательством. Если это однажды выплывет наружу – все нас проклянут, – высказалась Ганиш.

– Она права. Все дурные слухи, что ходят вокруг нас, подтвердятся, и мы станем козлами отпущения, – согласился Старатос.

– Что же, раз наш самый тёмный секрет выплыл на поверхность... – вздохнул самый старый адепт Анклава.

– Так вы знали? – Ганиш всплеснула руками.

Седой алхимик кивнул, не скрывая стыда. Он был настолько открыт, вопиюще беспомощен и слаб, что это вызы-

вало отвращение пополам с жалостью.

– Есть тайный спуск туда, но им давно не пользуются, а десять лет назад и вовсе запечатали. Принято считать, что в нашем поколении нет достойных прикоснуться к Истоку... Но, раз об этом удалось разузнать Глэдии – появление следующих лишь дело времени. И нам следует сделать это самим, пока нас не опередили.

– Вы молчали об этом, даже когда Эсканолл погибал?! – не поверила своим ушам Ишка. Она даже вскочила.

Ганиш и Старатос – и те невольно вздрогнули от того, с какой силой Ишка хлопнула по столу обеими ладонями. Таких несдержанных импульсов гнева от неё и Ричард-то отродясь не видел. Даже в тот злосчастный день, когда его процесс разбирали в суде, и она, глядя ему прямо в лицо, прокляла – вслух и при всём народе. Даже та её вспышка не шла ни в малейшее сравнение с нынешней. Казалось, Ишка готова рвать и метать тут, беспощадно громя всех и вся.

– Что нам было делать. Оплошность лишь ухудшила бы ситуацию, – старику сделалось неуютно под ее прожигающим взглядом. – Мы, возможно, потеряли бы и те остатки горожан, которые успели каким-то чудом спастись.

– Вы действительно думаете, что могло стать хуже? – саркастично осведомился Старатос. – Если бы меня не осенила вовремя идея, весь город всё равно уже лежал бы в руинах, и невесть где бы мы были и чем бы занимались сейчас.

– Мне интересно, каким местом вы обычно думаете, когда

выносите вердикты, – в тон отцу прибавил Кватрон.

– Мы побоялись...

– Перестраховщики, – фыркнул Кватрон.

– Трусливые бесхребетные мешки с отрубями, – без обидя поправила его Ишка.

– Да, всё так, – старик опустил голову, не выказывая ни малейшего желания спорить.

Ступени винтовой лестницы, ведущие вниз, казались нескончаемыми – великая спираль, похожая на само время. Ганиш и следующий сразу за ней Старатос спускались, и спускались, и спускались. Кажется, проектировщики дворца установили лучшую защиту из возможных – решили взять нескромных личностей, сующихся, куда их не звали, измором. Казалось, они насмехались над незадачливыми визитёрами сквозь время и пространство, словно бы ничуть и не истлели, не сгнули за века.

И вот впереди показалась дверь из чёрной стали. Подход к ней преграждало каменное изваяние закованного в латы рыцаря, голова его почти упиралась в потолок. Сдвинуть нечто настолько массивное не представлялось возможным, и группа замерла, гадая, как же им теперь быть... но тут статуя вдруг заговорила. Её губы, впрочем, не шевелились – гулкий и торжественный голос раздавался прямо у них в головах, отзываясь эхом в ушах.

– Что темнее беззвёздной ночи и светлее полуденных лу-

чей? Оно имеет на всё ответ, и ключей от него нет, за обманом идёт обман, и секретов хранит океан?

– Человеческое сердце, – твёрдо ответил Старатос, не размышляя ни секунды.

Памятник неизвестному гордому воителю древности рассыпался в прах перед ними. Обломки всё ещё лежали на пути, но уже не мешали настолько, чтобы вовсе нельзя было пройти.

На этот раз статуи были золотыми, две женщины в роскошных одеяниях принцессы и королевы. Та, что выглядела моложе, держала в руках стебель гигантской розы, у второй в ладонях лежал наполненный фруктами рог изобилия. Обе женщины казались исполненными благодати и доброты, но и некоторой строгости. А одежды такие, как им подарил резец скульптора, уже много сотен лет никто не носил.

– Что такое справедливость? – точно так же, телепатически, в унисон спросили они.

– Баланс стихий, приводящий к гармонии вселенной, – первой отозвалась Ганиш.

Золотая девушка рассыпалась на мелкие обломки, но вторая по-прежнему стояла. И тут Ричарда осенила догадка, что, возможно, ответов надо давать столько же, сколько стражей встречается на пути.

– Справедливость – бесстрастная способность оценивать все достоинства и недостатки как ситуаций, так и людей, – сказал он.

Фигура женщины с грохотом обрушилась. В бесформенных кусках даже не угадывались прежние очертания. Неизвестно почему, но у Ричарда вдруг сложилось ощущение, будто их авторство принадлежало тому же загадочному и явно мрачному гению, что наполнил королевский двор странными существами.

В полу между фигурами отъехала тяжёлая плита. Она так плотно прилегала к остальным, что совершенно ничем внешне от них не отличалась, и распознать скрытый колодец под ней не представлялось возможным. Ричард подошёл к самому краю и заглянул во тьму. Подобрал небольшой булыжник, отколовшийся от "королевы", впрочем, настолько утративший сходство с прежним своим видом, что было совершенно невозможно определить, чем он был раньше. Взвесив снаряд на ладони, Ричард отпустил его так, чтобы тот полетел вниз строго вертикально.

Звука столкновения с дном не было.

– Поскольку это явно не конец, а иного прохода я не вижу, то, кажется, нам нужно туда прыгнуть, – констатировал Ричард. – Это проверка на выносливость и владение алхимией. Стихия воздуха поможет.

– Да, – кивнул Старатос.

И, вызвав вихрь вокруг своего тела, шагнул в провал первым.

То ли полёт и впрямь был долгим, то ли казался таковым – Ишке показалось, будто они летели час. Мимо проносились

полосы сплошь из драгоценных камней – зелёные, синие, белые, фиолетовые, красные, жёлтые. Порой возникали те же цвета, которые уже появлялись, из чего следовало, что архитектор вряд ли ставил себе целью ни разу не повториться. О том, что полосы имеют рукотворное происхождение, свидетельствовала их одинаковая ширина, ровные и правильные линии краёв и то, как изящно осуществлялись переходы от одного оттенка к другому. Но вот, наконец, внизу показалось что-то иное. Туннель завершился, и они, очутившись в просторнейшей пещере – нет, зале, его тоже очевидно создали искусственно, – приземлились точно по центру круглой площадки, источающей слабый белый свет. Это было опасно – если бы у алхимиков силы закончились раньше, чем группа спустилась, то они бы упали и разбились. Ни слева, ни справа от площадки, ни даже под ней ничего не было – она попросту парила. Присмотревшись, Старатос первым распознал бледный настолько, что в не слишком-то хорошем освещении залы становился почти незаметным, символ во всю платформу. Этот символ они все прекрасно знали, даже относительно далёкая от алхимических премудростей Ишка – точно такой же там, наверху, всегда позволял рельсам висеть над пропастями и пустотой, свободно и безопасно пропуская поезда, везущие сколь угодно тяжёлый груз.

На равном расстоянии от центра и друг от друга располагались три статуи монахов в длинных рясах и капюшонах. Каждый держал перед собой свечу, но эти свечи были только

частью композиции – тоже выточенные из камня, а вместо пламени – рубины, которым придали определённую форму.

– Что такое вера? – одновременно спросили они.

Их голоса рокотали в сознании смертных, будто горный обвал. Даже просто терпеть это давалось тяжело, Ишке казалось, что её голова раскалывается, как гнилая тыква, по которой ударили ребром ладони.

Ишка замялась, Ричард тоже. Судя по внешности стражей – их проверяли на религиозное рвение, но ведь и подвох здесь тоже мог скрываться. Видимо, рассудив так же, Ганиш решила рассматривать ответ шире:

– Вера – это внутреннее убеждение, что следуешь правильным путём, не предаёшь себя и поступаешь по совести.

Едва лишь она договорила – как одна из статуй развалилась.

– Вера – это понимание, что внутри тебя и вообще каждого человека есть свет, как бы личность ни отказывалась от этого и ни скрывала его, и что будущее всегда имеет смысл, каким бы унылым и безнадёжным ни казалось сейчас, – продолжила Ишка.

– Вера – твой собственный внутренний судья, – тихо закончил Ричард.

Статуи грохнули об пол так же, как и все предыдущие. Прямо из ниоткуда за пределами круглой платформы одна за другой появились ступени огромной лестницы, каждая – со странным шелестящим звуком. На сей раз они вели не вниз,

а вверх, впрочем, не очень высоко. Колоссальные ворота были видны даже оттуда, где стояла четвёрка испытуемых. Они источали такое сияние, как если бы вели напрямик в Рай. Но никто из тех, кто посетил сегодня это место, ни в какой Рай не хотел, их вполне устраивала банальная и грешная жизнь на земле.

Они шагали так осторожно, словно боялись, что вполне твёрдая и настоящая лестница внезапно пропадёт. Впрочем, осторожность им бы ничем не помогла – ухватиться было бы не за что, а допрыгнуть обратно до площадки они бы не смогли. Алхимический же обряд, позволяющий левитировать, как тот, благодаря которому они спустились, требовал некоторого времени и глубокого сосредоточения, его нельзя было осуществить, падая. Не просто так многие алхимики заранее припасали и компоненты, и руны, и энергию накапливали, чтобы можно было моментально использовать, но тащить на себе чрезмерный груз в бой было неразумно, а чрезмерное изобилие символов на теле и одежде приводило к тому, что они начинали путаться. Также неудобно было и то, что каждый алхимический знак, чем его ни рисуй, хоть клеймом на коже выжги, после одной, редко – двух активаций бесследно исчезал и больше не откликался на призыв.

Сияющие ангельски белые створки не открылись, когда Старатос их толкнул. Пришлось на них налечь – двоим на одну и двоим на вторую, чтобы они начали медленно и со скрипом подаваться. Им почудилось, что они провозились с

неожиданной помехой вечность, а ведь она, вполне вероятно, вовсе и не была запланирована как одно из официальных препятствий, всего-навсего прелюдия к таковому.

Внутри оказалось темно, хоть глаз выколи, и только когда первый из четвёрки переступил порог, на стенах багровым пламенем зажглись факелы. Вся обстановка выглядела так, словно предназначалась для призыва кого-то могущественного, но нечистого и проклятого, невесть из какого за пределами мироздания. Кого-то, кто мог проглотить всю известную им реальность одним махом и не поперхнуться.

– Внушительно, ничего не скажешь, хоть бал-маскарад в честь Ночи Усопших объявляй, – Старатос придавал своему голосу всю возможную беспечность, но было заметно, что он встревожен и напряжён.

Во время Ночи Усопших все одевались либо в разного рода мертвецов – утопленников, удушенных, отравленных, встретивших как естественную, так и насильственную смерть. Кроме того, праздник допускал обличья всевозможной нечистой силы из мифов и легенд.

Но тут-то Ричард вздрогнул и нервно обернулся. Даже Старатос и стоическая Ганиш не удержали на лицах маску спокойствия и сосредоточенности. Огромные створки за их спинами, те самые, что они с таким трудом открыли, на удивление быстро захлопнулись.

Сами собой.

Пол заходил ходуном, так, словно там шевелилось нечто

громоздкое и неповоротливое. В нескольких метрах перед ними, проламывая чёрный мрамор, вынырнула необъятная пасть, вкруговую щетинясь длинными и острыми зубами. Ишка, на которую был направлен первый удар существа, кинувшегося словно бы совсем вслепую, едва успела увернуться.

Глава 13

Кто бы сомневался, что экзамен на боевую мощь им тоже придётся выдержать. Ричард швырял в монстра огненными бумерангами, Ганиш манипулировала гигантскими прозрачными зелёными лапами, а Старатос выпускал странные фиолетовые спирали. Ишка раз в несколько секунд стреляла ослепительно белоснежными лучами. И всё это даже не царапало тварь, она легко ныряла обратно в пол, который тут же сходилась вновь и становился гладким, словно и не вылезала из него чудовищная злобная махина, или же принимала их атаки на броню, на которой даже пятен копоты в тех местах, где в неё врезались удары, не оставалось. Возникало впечатление, что она издевается над ними, потому что её странное утробное рычание напоминало своеобразный звериный хохот. Кроме того, поливать бестию непрерывно не получалось ещё и потому, что она то и дело бросалась на них прыжком, и приходилось уворачиваться, хотя Старатос и Ганиш чаще поднимали защитные барьеры, об которые монстр ударялся и не причинял им никакого вреда, хотя и отталкивал всякий раз назад. Вторым сюрпризом, преподнесённым

тварью, оказался её шипастый хвост, от которого сотрясалось, кажется, всё подземелье. Непонятно было, имелся ли у бестии разум. Впрочем, вряд ли – ею двигал, скорее, инстинкт, нежели понимание, и металась она слишком беспорядочно для существа, умеющего мыслить.

Старатос выхватил из голенища сапога маленький кинжал и чуть-чуть надрезал себе ладонь. Кровью он начертил на полу круг, а в круге два равнобедренных треугольника, сходящиеся наподобие звезды. Обряды, связанные с использованием крови, как своей, так и чужой, не были популярны, чаще всего государственные алхимики осуждали их, хоть и не запрещали напрямую, но в подобных условиях чем уж богаты, тем и рады. Из пола, сначала как некая лишённая конкретных очертаний масса, но с каждым мигом обретая безупречную точёную форму, поднялся угловатый четырёхрукий безголовый голем и, следуя безмолвному приказу Старатоса, такому же отчётливому для него, словно был начертан на скрижалях, прыгнул на монстра, беспорядочно молотя тяжёлыми кулаками. Он несколько раз попал, оставив незначительные вмятины, но прежде, чем нанёс серьёзный урон, тварь разинула голодный рот и проглотила его целиком. После этого она исторгла волну рёва в сторону Старатоса, едва не заставив его ничком распластаться на полу.

– Посмотрите на его затылок! – закричала Ишка.

– Где ты нашла у него затылок? – отдуваясь, осведомился всклокоченный, словно ведьма из страшной истории, Старатос.

тос.

– Задняя сторона туловища, сразу за пастью! Я не разбираюсь, но, может, вы поймёте!

– Да как ты успела вообще хоть что-то разглядеть? – удивился Ричард.

– Успела, пока оно отвлеклось на вас со Старатосом!

И впрямь, там что-то рдело и переливалось, но, пока Ишка не упомянула, нельзя было сказать, что оно как-то по-особенному выделяется. Монстр весь казался фантазмагорически странным, чуть ли не потусторонним. Он был настолько длинным, и тело его перемещалось так быстро, что порой мерещилось, будто он занимает всё свободное пространство, что у него нет ни начала, ни конца. Освещение же падало так, чтобы подчеркнуть его неестественность, иномирность, величие. Да, этот колосс был велик в лучшем смысле слова, за счёт этой дикости, неуместности, сокрушительности. Он был как древнее божество из-за невообразимо далёких пределов, из того пространства, в сравнении с которым их мир был похож на новорождённого младенца.

– Это руна неразрушаемости, – опознал сочетание рыжих линий на тёмной шкуре Старатос. – Давно известно, как такие портить! Ричард, осилишь?

Молодой алхимик коротко кивнул и бросился вперёд, обходя бестию по широкой дуге, приноравливаясь к ней. Его захватил азарт – он давно не получал таких крепких и стойких оппонентов, так что ситуацию воспринимал как достой-

ный себя вызов, а не повод развернуться и сбежать, поджав хвост.

Наличие символа немного развенчало для всех окутывающий тварь мистический ореол, спустило её с недосягаемых жутких высот – или подняло из глубин, тут уж как рассуждать. Она рукотворная – частично уж точно, а то и целиком. Это разительно перевернуло всё изначальное впечатление.

– Не давайте чудовищу схватить его! Пусть оно мечется и не знает, с кого начать и что вообще происходит! – крикнула Ганиш, оттеснённая на противоположную сторону подземелья.

Она тут же подала пример, швыряя ослепительно яркую багряную вспышку прямо в морду чудища, и разряд полыхнул, как бы взорвался, сталкиваясь с целью, рассыпался миллиардом брызг. То отшатнулось и заверещало. Ага, значит, глаза или какой-то другой чувствительный орган у него-таки есть. Может быть, не глаза, но что-то, отличное от покрывающей всю омерзительную тушу брони, уязвимое хотя бы к чему-то. Это роднило тварь со всеми живыми существами этого мира, делало её менее непостижимой и неодолимой. Испытывает боль – значит, наделён плотью и может умереть.

Видимость поплыла, как при мороке в пустыне. Ганиш даже не сразу сообразила, то ли Старатос повлиял на воздух вокруг них, то ли как-то искривил саму ткань пространства. Высокое мастерство, которым он владел, позволило бы даже сочетать то и другое. Это настолько дезориентирова-

ло тварь, что она затрепыхалась, будто вытащенная из воды рыба... или, учитывая внешность, полураздавленный, но ещё живой и сопротивляющийся давлению каблука червь. Повреждений оно всё так же не получало, но, судя по всему, дурно ему сделалось. Это подбодрило Ишку и алхимиков.

Прозрачные белые цепи отовсюду протянулись к твари, оплели её, растянули. У Ишки от попытки контроля такого количества духовной энергии одновременно, из правой ноздри потекла тоненькая струйка крови, а в глазах потемнело. И всё же она не отпустила, чтобы дать Ричарду шанс. Позволь она оковам хоть на секунду утратить осязаемость и форму – и монстр бы вырвался. Одно дело – продлить концентрацию на время, пока целишься из лука, а потом летит стрела, и другое – когда сосредотачиваться надо так долго. Кроме того, каждая попытка пленника цепей пошевелиться увеличивала затраты сил. Так, словно Ишка сдерживала тварь с помощью мускулов, а не дара.

Они не сговаривались, но когда-то работали в дуэте, и теперь всё получилось так же слаженно, как прежде. Им не нужно было слов, чтобы подхватывать друг за другом и понимать, чего не хватает партнёру. Когда знаешь характер и все приёмы того, кто дерётся бок о бок с тобой – такое получается спонтанно. Нравилось им это признавать или нет – но они идеально дополняли каждый второго, как детали одной мозаики.

Ричарду позарез требовалось либо возвышение, откуда

будет хорошо видно и удобно целиться, но пол пещеры всюду имел одинаковую высоту, либо зафиксировать позицию твари хоть на пару минут. И вот со вторым-то Ишка успешно справилась.

Огромный межпространственный меч, способный, кажется, рассечь всё на свете, вонзился в центр метки, поддерживающей в монстре жизнь. Призрачный клинок пронзил туловище врага насквозь и снова растворился в пустоте, из которой возник. Ричард выдохся на этом, и, если бы его лучшего приёма не хватило, он бы не смог продолжать сражение.

Прямо на глазах у изумлённого и невольно восхищённого грандиозностью и необратимостью происходящего сборища свирепый гигант рассыпался невесомым прахом.

Подземелье начало меняться. Стало шире, а потолок – выше, пол покрылся мрамором, вдоль стен поднялись витые колонны, повсюду проступила изысканная лепнина, пусть и старинная, но явно того сорта красоты, который не выходит из моды со временем. Тёмные факелы изменились на золотые канделябры. Правда, в половине свечи уже прогорели, а то и вовсе отсутствовали. Но и того, что осталось, хватало, чтобы рассмотреть убранство чертога.

А под каждым из присутствующих загорелась пунцовая руна – у каждого своя. От руны вверх поднялось тёплое, ласкающее сияние, затапливая целиком, отдавая что-то без остатка. Никто из них не знал, что им вручили за странный подарок, но никто не дерзнул пытаться отвергнуть. Каждому

из них отчётливо казалось, что именно так и надо. Что их жизненные тропы как раз сюда и вели, чем бы любой из них ни занимался прежде.

События катились чересчур стремительно, ошарашивая, сшибая с ног и увлекая за собой. Только привыкаешь к чему-то одному – как этого уже и в помине нет. Но сейчас, положив голову на плечо Ричарду и расслабляясь в его объятиях, Ишка чувствовала себя на удивление правильно. Наученная горьким опытом, она не строила никаких долгосрочных планов, не питала лишних надежд и не обнадёживала сама, всего-навсего наслаждалась минутой покоя и чуть ли не сверхъестественного, но на самом деле нормального для людей, знакомых так долго, взаимопонимания без единой реплики.

Когда они выдержали весь цикл препятствий и полностью впитали загадочную ауру, от которой Ишка не знала, как остальных, а лично её бросило в жар – распахнулся янтарный овал пульсирующего света, как бы соблазнительно приглашая коснуться его. Первым отважился Ричард – и исчез. Тёплое сияние поглотило его без остатка, никто и ахнуть не успел. Признаться, Ишка даже перепугалась, но тут Старатос понял природу явления. Сияние всего лишь обеспечивало им моментальное перемещение вверх. В тот самый зал, где они впервые повстречались с Глэдией – похоже, он выступал как точка силы, недаром эта бешеная ведьма пробовала вза-

имодействовать с Источником оттуда. Дай они ей хоть час – и всё могло бы получиться. Как замечательно, что они подросли в самый раз. Глэдия, конечно, с высоты своей самоуверенности, видимо, не воспринимая их как противников совсем, предупредила о планах, но они всё равно выбирали – остаться в Анклаве и поджидать её там, или же кинуться в королевский дворец и защищать Его Величество. Король сказал, что они поступили верно – он прекрасно постоял бы за себя, и, кроме того, уже тогда они не нашли бы его на месте.

– Тебе нравится? – спросил Ричард, показывая на цветущий сад перед ними.

– Я ещё не определилась. Всё появилось так быстро... Отсутствие снега кажется дикостью.

Вторым сюрпризом было исчезновение вечной зимы. Словно бы заодно с решением загадки Сердца Анклава они отперли засов на той мистической двери, за которой томилось изгнанное на многие годы лето. В честь этого Ишка впервые сменила доспехи на лёгкое платье и переплела косу лентой понаряднее. Ричард, наоборот, распустил волосы, и они рыжим каскадом спадали по спине. Их настроение пока ещё не вполне соответствовало прекрасной солнечной погоде, лёгкому ветерку и доносящимся отовсюду упоительным ароматом цветов. Они так давно выживали в тяжёлых обстоятельствах, что теперешний отдых казался им каким-то подвохом. Как будто роскошный пейзаж им лишь мерещился,

а на самом деле они сошли с ума, не выдержав ужасов того подземелья. Или тварь их всё-таки сожрала, и теперь они наслаждаются загробным бытием, не сознавая того.

Они сидели на двойных качелях в парке королевского дворца. Том самом, где раньше стояли только гротескные, больше пугающие, чем вдохновляющие скульптуры. Эти изваяния, кстати, снесли – на их месте и располагались качели. Ричард так привык к этим существам, что был уверен – без сожалений не обойдётся. Но он, наоборот, чувствовал облегчение и странное, как если бы избавился от лишнего груза и помолодел на десяток лет. Их и впрямь давно пора было снести, они подавляли, угнетали и вызывали странные, болезненные ассоциации.

– Ты думаешь, проклятие вечной зимы наложил кто-то из создателей Анклава? – спросила Ишка.

– Вполне возможно. Я рассматриваю это как одну из допустимых причин, по которой Источник был так глубоко и тщательно спрятан. Такая власть расхолаживает, приучает ко вседозволенности, и, скорее всего, после предательства одного из них они потеряли веру в человеческую честность и способность разумно распорядиться подобным сокровище. Это лишь предположение... и всё же оно не хуже, чем все остальные.

Маленькая голубая бабочка пролетела, забавно взмахивая хрупкими полупрозрачными крылышками, прямо перед его лицом. Ричард поднял перед собой правую руку, выставив

указательный палец, и бабочка, видимо, без особой цели летая по округе, сочла его светлую кожу достойной того, чтобы коснуться её лапками. Казалось, дуновения хватит, чтобы погубить это волшебное чудо... Ричард замер. Он видел бабочку впервые и боялся пошевелиться, издать хоть звук, чтобы ненароком не прогнать её. Только когда пленительно нежное насекомое вновь вспорхнуло, он выдохнул – не без укола сожаления, хотя и понимал, что присвоить её не получится, и коснуться тоже нельзя. Этот мир, свидетелями рождения которого они с Ишкой стали, обещал быть гораздо более нежным и хрупким, чем тот, покрытый вечными снегами и льдами, суровый и требующий такой же суровости от своих жителей. Любая неловкость или неосторожность безвозвратно повредит что-то из бесчисленных маленьких сюрпризов и тайн, наполняющих его.

– Всё изменится до неузнаваемости. Мы попали на слом эпох. Тебя это захватывает так же, как меня?

– Мир уже изменился, когда Эсканолл начали отстраивать после проклятия философского камня, – философски произнесла Ишка. – Я давно уже наблюдаю, как вся известная мне реальность катится в бездну, и пока не могу понять, чем она сделается после этого, и нравится ли мне новая версия. Дома уже не те. Люди уже не те. Мы сами уже не те.

Ишка говорила как женщина, интуитивно чуящая, что её поколение, современники, вскормленные и воспитанные так же, как она, постепенно уходят, потому что не состоянии

угнаться в ногу с теми, кто родился после них, им не хватает задора продолжать седлать волну. Ишка лишь надеялась, что привыкнет, и это настроение отпустит её, как отпускает тяжёлая хворь. Хоть бери себя же за шиворот и встряхивай как следует.

– Я молюсь о том, чтобы всё завершилось хорошо, – признался алхимик

– Эх, Ричард, дорогой, если бы только здесь было, кому молиться.

Как и все ди Гранели, Ишка отнюдь не отличалась религиозностью, но сейчас она вздохнула с неподдельной тоской и горечью. Она уже порядочно устала быть творцом собственной судьбы, и ей действительно хотелось хоть немного милости свыше, да откуда угодно, только чтобы это позволило ей взять перерыв от забот и тревог, выдохнуть. Но, по крайней мере, она была благодарна Ричарду за то, что он не пытался утешать её пустыми общими словами вроде "всё наладится" и "не вешай нос". Именно за такую чуткость в понимании её настроения Ишка когда-то и полюбила Ричарда. И теперь она вдруг поймала себя на том, что всерьёз раздумывает, что, возможно, ей это удастся снова. Говорят, после разочарования не бывает уже ничего. Ишка почитала это за святую истину, но ха, когда бы в мире всё обстояло так понятно и элементарно.

Послесловие

Если книга вам понравилась настолько, что вы хотите ма-

териально поощрить её автора, вы можете отправить любую сумму на номер: +79112449249.

Собранная на счету определённая сумма будет означать также, что вы бы хотели продолжение этого цикла.

Анонимные звонки автор не принимает, и на сообщения от неизвестных номеров не отвечает.